

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Елена Логунова

Свидание
на пороховой
бочке

Индия Кузнецова

Елена Логунова

Свидание на пороховой бочке

«ЭКСМО»

2015

Логунова Е. И.

Свидание на пороховой бочке / Е. И. Логунова — «Эксмо»,
2015 — (Индия Кузнецова)

Сотрудница рекламного агентства Индия Кузнецова с радостью согласилась на предложение подруги скататься под ее именем в необременительную командировку. Посетить по работе приморский парк развлечений – что может быть прекраснее? Но закончилась поездка вовсе не так радужно – Индию задержала полиция! А все потому, что у нее слишком доброе сердце, ведь именно она бросилась спасать упавшего в пруд человека. Как оказалось, он не просто поскользнулся, а покинул этот мир после удара шилом... Индия, конечно, ни при чем, но у нее документы на чужое имя, а значит, кто главный подозреваемый?.. Нарядившись в забытый аниматором костюм медведя, она сумела сбежать, и теперь осталась самая малость – найти настоящего преступника!

© Логунова Е. И., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

День первый. Экскрементальное искусство и подозрительный красный «Пежо»	6
День второй. «Инди руси бхай бхай» и кража века	23
Лирическое отступление. Десять минут из жизни парка в радиозфире	28
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Елена Логунова

Свидание на пороховой бочке

© Логунова Е. И., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Автор предупреждает, что все описанные события и персонажи являются вымышленными, за исключением тех из них, в которых вам, ребята, будет приятно себя узнать.

День первый. Экскрементальное искусство и подозрительный красный «Пежо»

– Ну, не знаю, – сказал шеф, совершив пальчиками сложное движение, призванное распушить волосики вокруг лысины и одновременно как бы поправить воображаемую корону. – Конечно, не мне вас, ребятки, учить...

– Ибо не царское это дельце, – ехидно шепнула мне на ухо Алка Трошкина.

– Но я позволю себе напомнить, что денек зарплатки приближается, а денежек в кассочке на всех не хватит, – закончил шеф.

Все посмотрели на бухгалтера Катю.

Бухгалтер Катя ни на кого смотреть не стала, лишь виновато потупилась.

Стало понятно, что шеф не врет.

В кабинете Бронича часто звучит горделивая фраза: «У нас нет проблемы с деньгами!» И это правда. Следите за мыслью: проблемы – с деньгами. То есть деньги и проблемы – они по определению вместе, как Ленин и партия. А если нет денег, то нет проблем с ними!

Логика пылеводонепроницаемая, как сейф. В нашем случае, к сожалению, пустой.

– Вот так всегда! – подвывающим голосом театрального трагика возвестил наш режиссер Вениамин. – Денег у нас нет, а дерьма – сколько хочешь!

– Всего-то пятьдесят две баночки, – живо возразил новый коммерческий директор Жора Горохов. – И ведь это не просто дерьмо, хочу напомнить, а выдающееся произведение зарубежного искусства!

Последовавший за этим заявлением хоровой стон Бронич совершенно правильно расценил как признак обструкции.

Трудовой коллектив объединился, препятствуя новациям коммерческого директора.

Горохов пришел к нам директорствовать из торгового центра, где зарекомендовал себя великолепным продажником, способным всучить покупателю, пришедшему за простым трехколесным велосипедом для сына, радиоуправляемую инвалидную коляску для деда.

Было яснее ясного, что такие выдающиеся успехи немислимы без соответствующего уровня хитрости, наглости и беспринципности. В связи с этим первый же проект, предложенный Гороховым нашему рекламному агентству, умудренный большим жизненным опытом коллектив воспринял с нескрываемым подозрением.

И то сказать, идея была очень смелой. Жора предложил привезти и представить в нашей местной художественной галерее инсталляцию модного прибалтийского художника, уже изрядно нашумевшую и даже, честно сказать, навонявшую в просвещенных европах.

В готовом к представлению виде скандальное произведение представляло собой расставленные по кругу банки с испражнениями автора. На каждой емкости имелась красивая наклейка с подробным описанием рациона питания художника на стадии создания конкретно этого фрагмента общей картины.

Критики сочли идею концептуальной и шедевальной, интеллигентная публика валила на выставки густой толпой, и Жора Горохов, конечно, не мог упустить возможность зримо продемонстрировать новому работодателю, что он умеет заработать на любом дерьме. Буквально.

Бронич, надо отдать ему должное, еще не сказал свое веское «да». У него тоже был немалый жизненный опыт, а вдобавок к нему имелось чутье, которое подсказывало, что смелая идея пованивает. Хотя это понял бы каждый, осведомленный о содержимом баночек, в настоящее время полным ходом едущих к нам в особой фуре с запломбированными дверьми.

– Видали мы такие произведения! – фыркнул прямолинейный видеомонтажер Андрюха. – В сортире мы их мочили!

Острота была натужная, но таким же представлялся и творческий процесс, результатом которого стали полсотни высокохудожественных баночек.

Горохов поморщился.

– Если это не сделаем мы, сделают «Паруса»! – пригрозил он.

Бронич тяжело заворочался в кресле. Кресло высказалось в том смысле, что вот это никак не годится.

Рекламное агентство «Алые паруса» было прямым конкурентом нашего «МБС». При приеме на работу Горохову была поставлена стратегическая задача в обозримом будущем порвать «Паруса» в мелкие ключья, и шеф не мог не оценить приведенный Жорой аргумент.

– Машина уже едет, – напомнил коварный Горохов. – И если мы беремся за эту работу, то аванс будет на счету агентства как раз ко дню зарплаты.

А вот это был аргумент, который не могли не оценить сотрудники.

– Да ладно! – почесав трехдневную щетину, махнул рукой Андрюха. – В первый раз нам, что ли, лепить конфетку из этого самого?

– Кстати, знаете, я вот выяснил, что еще в 1961 году нечто подобное сделал итальянский художник Пьеро Мандзони, – сообщил Вениамин, которого за болтливость, непоследовательность и умение ловко вывернуться в коллективе запросто кликали Веником, Вентилям и даже Вентилятором. – Представьте: он собрал собственные фекалии в баночки, пронумеровал их, написал на каждой на трех языках «Стопроцентное натуральное дерьмо художника» и продал по цене золота той же массы!

– В самом деле? – одинаково заинтересованно спросили Бронич и Горохов.

– Представьте себе, да! В шестьдесят первом году баночки ушли по цене, которая в пересчете на современный курс евро составляет тридцать тысяч, а в две тысячи седьмом одну из них продали на аукционе «Сотбис» за сто двадцать четыре тысячи европейских денег!

– Какой рынок, а? – подпихнула я Горохова.

– В три дня не обгадить! – подхватил Андрюха.

– Мандзони утверждал, что своим проектом он привлекает внимание к доверчивости покупателей искусства, – добавил Веник. – Он так и заявлял: «Всем этим буржуазным свиньям нравится только дерьмо!»

– Вот и определилась целевая аудитория нашей выставки! – показательно обрадовалась Трошкина. – Теперь я буду знать, какое обращение использовать в приглашениях: «Многоуважаемая буржуазная свинья!»

– Знаешь, а ведь если после «свиньи» поставить копирайт, в ссылке указать авторство Мандзони и еще дать справочку о ценах на его дерьмо на Сотбис, никто не обидится, сойдет за особый шик! – против воли включилась в работу и я.

– Что ж, я вижу, мы достигли взаимопонимания, – подытожил шеф, небрежным жестом выметая народ из своего кабинета. – Ступайте, ребятки, и шлифуйте проектик.

– Вениамин и Андрей, с вас сюжет для телевидения, Алла, вы готовите анонс для рассылки и именные приглашения, а вы, Индия, начинайте писать хвалебные рецензии и раздавайте их газетчикам, – распределил работу повеселевший Горохов.

– А вы, Георгий, чем займетесь? – недружелюбно спросила я.

Не люблю, когда чужие люди называют меня Индией. Несмотря на то что это действительно имя, которым меня наградили любящие родители, да простится им этот страшный грех, за пределами узкого круга родных и друзей я предпочитаю скромно зваться Инной.

– А я поеду в музей, буду морально готовить сотрудников к большому культурному событию и принимать ценный груз.

– Вот это именно то, что я называю грязной работой, – не поднимая головы, с притворным сочувствием заметила Трошкина и подмигнула мне из-под кудрявой челки.

Остаток трудового дня я честно строгала заготовки для будущих рецензий и к вечеру запасла с десяток таких болванок. Дополненные броским заголовком сверху и именем автора снизу, они легким движением руки превращались в готовые рецензии.

Право сочинения заголовков я, как обычно, оставила журналистам, чтобы они могли проявить фантазию и продемонстрировать фирменный стиль своего издания. Можно было ожидать, что канареечно-желтая газета «Живем!» в подражание Маяковскому броско озаглавит текст «Хочешь дерьма? На!», а помешанное на местной специфике региональное отделение информагентства «Интермакс» с тонким ехидством напишет, что «Европа удобряет кубанские черноземы современным искусством».

А вот у Трошкиной работа шла туго. Ничего более эффектного, чем незабываемое обращение «Уважаемые буржуазные свиньи», Алка не придумала, а с этим вариантом возникла неожиданная проблема. VIP-приглашения следовало сделать личными, а «свинья» как существительное женского рода однозначно годилась только для дам.

– Коллеги, не расходитесь, мне нужна помощь зала! – заволновалась Алка, видя, что я уже собираю вещички. – Подскажите, как обратиться к мужчине? «Уважаемый буржуазный свин Иван Иванович»? Это как-то не по-русски.

– Почему это не по-русски? – не согласилась я. – Вспомни Владимира Владимировича: «Вырастет из сына свин, если сын свиненок».

– Это когда наш Владимир Владимирович такое говорил? – Горохов посмотрел на украшающий красный угол портрет президента.

– Это другой наш Владимир Владимирович говорил – поэт Маяковский, – сказал Веник-Вентилятор и троекратно сморщил породистый нос, как бы показывая, что фи, фи и еще раз фи не знать творчество классика советской поэзии.

– Так что со свином? – нетерпеливо напомнила о себе Трошкина.

– Самец свиньи называется кабан, – авторитетно подсказал из затемненной аппаратной Эндру. – Напиши: «Уважаемый буржуазный кабан», будет очень brutally.

– Есть еще синонимы: хряк, вепрь, секач, кнур и боров, – хихикая, подсказал всезнайка Веник. – Но тут имеются некоторые немаловажные тонкости. Хряк – это некастрированный самец домашней свиньи, боров – это кастрированный хряк, а кабан – это полноценный в сексуальном плане самец свиньи дикой. Таким образом, если назвать боровом мужчину с нормальной потенцией, это будет оскорблением. В то же время, тихий, спокойный образчик хомо сапиенс вряд ли может быть назван кабаном, он либо хряк, либо боров – тут надо знать подробности его личной жизни.

– Однако, – пробормотала Трошкина, почесав в затылке шариковой ручкой.

Чувствовалось, что интимные подробности свиноводства ее не вдохновили, а озадачили.

– Ты подумаешь об этом завтра, – подсказала я подружке, с намеком постучав ногтем по циферблату наручных часов.

– Завтра надо будет отдать приглашения в печать, – вздохнула Алка и придвинула ближе тетрадку с нарисованными на полях свинными рылами в профиль.

Я засмотрелась на ее рисунки. Это были вдохновенные каракули в стиле другого нашего поэта-классика – Александра Сергеевича Пушкина, который имел привычку иллюстрировать свои стихотворные строки женскими головками, нарисованными одним росчерком пера.

Трошкина не подражала Пушкину. У нее пока что вовсе не было строк, а профили она рисовала исключительно кабаньи, с чрезвычайно brutальными клыками, вроде бивней.

– Не жди меня, я останусь до победного конца! – печально сообщила мне художница.

– Ты, главное, не пади жертвой в этой борьбе, – посоветовала я, забрасывая на плечо сумку. – Всем пока, до завтра!

– Ага, пока... «Уважаемый буржуазный свинтус Иван Иванович», – забормотала Алка, погружаясь в работу. – А? Каково? Или так: «Уважаемый буржуазный самец свиньи»?

– «Уважаемый буржуазный объект свиноводства», – опередив меня на финишной прямой к двери, успела посоветовать бухгалтерша Катя, но ее скучный казенный стиль эстетка Трошкина сразу же отвергла брезгливым «фу».

На улице шел дождь – настоящее стихийное бедствие для города с хронически неисправной ливневой канализацией и асфальтовым покрытием эротичного фасона «то ли есть, то ли нет».

Многочисленные ямки, канавки, рытвины и трещины уже заполнились жижей, по виду похожей на остывший кофе, а по запаху – на естественную среду обитания головастиков и пиявок.

Я с большим сомнением посмотрела на модельные туфли, названные лодочками отнюдь не за их мореходные качества. Медленно прокативший мимо меня эвакуатор с алеющей на горбу машиной погнался к обочине пенные волны, и я отпрыгнула.

– Подвезти? – со слоновьим топотом проскакав мимо меня по лужам, на ходу спросил Веник. – Ну, как хочешь!

Я открыла и снова закрыла рот. Если бы Веник действительно хотел меня подвезти, он дождался бы моего ответа, значит, вопрос был риторический – слабый выплеск остатков хорошего воспитания.

Грязевые фонтанчики из-под ног упитанного, но невоспитанного Веника озвучивали его путь бодрим плеском.

Я злорадно ухмыльнулась.

Продвигаясь к машине, Веник стремительно откатывался по шкале эволюции назад, в прошлое, а может быть, в одно из предыдущих своих воплощений, и все больше походил на грязную свинью. Художница Трошкина могла бы написать с него прекрасный портрет хрюка маслом.

И тут я внезапно вспомнила: масло! Свежайшее сливочное масло из буфета расположенной неподалеку мэрии!

Я купила его по наказу папули, который собирался готовить торг-суфле, в рецепте коего в большом количестве присутствует это самое масло. В моих собственных интересах позаботиться о том, чтобы данный продукт был максимально свежим. Папа как истинный кулинар-изобретатель склонен к риску и в порыве вдохновения запросто может пренебречь такой мелочью, как истекший срок годности одного из ингредиентов, а страдать потом нам, едокам!

Купленное в обеденный перерыв масло пребывало в холодильнике, холодильник – в кабинете шефа, а шеф – в огорчительном заблуждении, будто хорошие сотрудники никогда не дезертируют с линии трудового фронта в восемнадцать ноль-ноль.

То есть я не могла позвонить Трошкиной и попросить ее перед уходом с работы заглянуть к Броничу с реверансами и нежным лепетом: «Тут Кузнецова у вас свое маслице забыла...» Хрен я тогда получу, а не маслице и квартальную премию!

Единственным правильным решением было вернуться, положить сумку, снять куртку, стереть с туфель уличную грязь и самой зайти к шефу за маслом, как можно убедительнее изображая трудоголика, застигнутого приступом голода у станка. Тем временем, может, и дождь прекратится.

Подбодрив себя этой мыслью, я вернулась в здание, но не пошла прямо в офис, а сначала завернула в туалет. Тут надо сказать, что интерьерный дизайн нашего офисного здания не назвал бы роскошным даже Жора Горохов с его необычным чувством прекрасного. У нас все очень просто.

Лестничные клетки и коридоры здания являют строго выверенное соотношение синеватой побелки и ядовито-зеленой масляной краски. Метлахская плитка на полу дает исчерпывающее представление о популярном мозаичном искусстве середины прошлого века. Подоконники утыканы пластмассовыми горшками с геранью, а потолок – молочно-белыми плафонами,

которые отдалены один от другого на расстояние беспосадочного полета мухи и этими же мухами по мере сил украшены.

Данный стиль оформления помещений мой братец Зяма непочтительно определяет как «классический нищий совок».

Никаких проявлений буржуазной роскоши соответствующий интерьер не предполагает, а посему такое излишество, как большое зеркало, на нашем этаже имеется только в дамской уборной.

К нему-то я и поспешила, намереваясь поскорее заглянуть в волшебное стекло, чтобы показать язык своему отражению. Кто не знает – это самый надежный, проверенный веками способ поломать механизм невезения, который запускается в соответствии с поговоркой «Возвращаться – дурная примета».

Вообще-то я не суеверна, но действия вроде того, чтобы трижды плюнуть через левое плечо при встрече с черной кошкой, совершаю автоматически. Это у меня давняя привычка, отголосок пионерского детства, когда и языческие, и христианские ритуалы воспринимались как занятная экзотика.

Ладно, признаюсь: в молодые годы я даже сама сочиняла заговоры типа «Икота и рвота, перейди на Федота, с Федота на Казика, с Казика до тазика!» – и братец Зяма, он же Казик или Казимир, гонял меня за это, как экзорцист злую нечисть.

Шла я быстро, но все-таки не бежала. Иные люди (взять хотя бы того же Зяму после экстремальной дегустации папиного масляного крема) на короткой дистанции к туалету развивают существенно более высокую скорость. Тем не менее, когда дверь с изображением восьмой буквы русского алфавита неожиданно распахнулась передо мной сама собой, я едва успела затормозить и посторониться. А не успела бы – гражданочка, мухой вылетевшая из клозета, сбила бы меня с ног.

Я не рассмотрела эту стремительную особу. Она прошуршала мимо, обдав меня ароматом парфюма, таким густым, словно дама использовала концентрат благовоний, отличающийся от просто духов, как сгущенка от обычного молока.

Я зажмурилась и расчихалась, а когда открыла глаза и неодобрительно посмотрела вслед нещадно ароматизированной гражданке, она уже скрылась за поворотом лестницы.

Крепкий парфюмерный запах сохранился и в уборной, поэтому я не стала там задерживаться из опасения, что сама пропитаюсь этим сногшибательным амбре. Сунувшись к зеркалу, я деловито показала язык своему двойнику в серебристых глубинах, вышла из клозета и направилась в офис – открытым способом добывать из холодильника шефа ценное маслице.

Увы, я опоздала: Бронич уже ушел! Дверь его кабинета была заперта, и добраться до масла в отсутствие как шефа, так и бухгалтерши, располагающей запасным ключом, не представлялось возможным.

«А если выбить дверь?» – смело помыслил мой внутренний голос.

– А если шеф мне за это голову оторвет? – убоялась я.

«А откуда он узнает, что дверь сломала именно ты? Кто ему скажет?»

Я огляделась: в общей комнате никого, монтажка закрыта, свидетелей нет.

Хм, странно, почему же офис не заперт, если все разбежались?

И тут дверь открылась, и в комнату вошла задумчивая Трошкина. Движения у нее были замедленные, а выражение лица точь-в-точь такое, как перед началом краевой контрольной по математике. Я хорошо запомнила его за годы, проведенные за нашей общей с Алкой школьной партией.

– Трошкина, – позвала я.

– А?

Она посмотрела на меня, поморгала, узнала:

– Привет, Кузнецова.

Я не стала напоминать ей, что мы сегодня уже и здоровались, и прощались. Каждый имеет право на ранний склероз. Но я пересчитала морщинки между бровями подружки – их было четыре. По десятибалльной шкале – высший уровень тревоги!

– Трошкина, что случилось?

– Случились? Да не дай бог, – невпопад ответила Алка и хрустко укусила ноготь.

Моя проблема с арестованным маслом сразу же перестала казаться по-настоящему важной. Благовоспитанная Трошкина, грызущая ногти, предвещала серьезную беду.

– Алка, не молчи! – попросила я, начиная волноваться. – Скажи, что стряслось?

– Нет, это ты скажи!

Рассеянный взгляд подружки сфокусировался на моем лице – в той самой точке, где у индийских танцовщиц и будущих жертв метких снайперов краснеет аккуратный кружочек. Я почувствовала, что лоб у меня зачесался.

– Расскажи мне, Кузнецова, о женщине в красном «Пежо»! – потребовала Алка.

– Это так важно? И именно сейчас?

Я подумала, что Трошкиной приспичило прогнать меня через какой-то тест наподобие тех, которые помещают на своих страницах популярные женские журналы, в стиле «Выясни свой тип характера», «Узнай свои паранормальные возможности», «Проверь себя на совместимость с любимым» и так далее. Девочки в офисе очень любят такие развивающие игры под утренний кофе с булочками.

– Это архиважно! – заявила Алка, глядя на меня, как Ленин на буржуазию.

– Да? Гм...

Я постаралась припомнить, что говорят о характере автовладельцев в связи с колером их машин те же журналы. Трошкина терпеливо ждала, прочно уставив свой лазерный взгляд чуть выше моей переносицы.

– Женщина на красном «Пежо» – чрезвычайно сильная личность, которая движется прямо к поставленной цели, – предположила я, стараясь говорить уверенно. – Окружающие нередко страдают от ее взрывного характера, ведь красный предпочитают люди властные и вспыльчивые. Наша дама – не меланхолик и не флегматик, она очень активна и выбрала автомобиль красного цвета, чтобы выглядеть более сексуальной.

– Вот спасибо тебе, Кузнецова, успокоила!

Трошкина всплеснула руками, упала на стул и подозрительно засопела.

– Эй! Ты что, реветь собралась? – Я уже совсем ничего не понимала. – Из-за какой-то мифической бабы на красной машине?!

Трошкина и сама счастливая автовладелица, у нее прелестный «Фольксваген-жук» солнечно-желтого цвета, характеризующего хозяйку транспортного средства как оптимистку, живущую по правилу «Что ни делается, все к лучшему» и принадлежащую к числу спокойных, счастливых, общительных, коммуникабельных и интеллигентных людей.

Во всяком случае, так было написано в журнале.

– Э-э-э-это не какая-то мифическая баба-а-а-а! – Счастливая оптимистка Алка и впрямь заревела. – Это Зя-а-а-а-амина ба-а-а-а-а-ба-а-а-а-а!

– В смысле? – тупо переспросила я, а в голове уже звонко щелкнуло, и картинка сложилась.

Все понятно, мой милый братец не удержался и снова взялся за старое! То есть, наоборот, за молодое и красивое, не связанное с ним такими серьезными и длительными отношениями, как Трошкина, официально пребывающая в статусе Зяминой невесты с тех самых пор, как он, мерзавец, публично поклялся любить одну лишь Аллочку.

Случилось это, кстати, не так уж давно, каких-то три или четыре месяца назад, но у записного ловеласа Зямы свое оригинальное ощущение времени, и я не раз уже слышала, как он жалуется, что Трошкина «маринует его целую вечность».

Эта выразительная кулинарная терминология расположила к страдальцу папулю, я же благородно держу сторону подруги, а наша мама сохраняет вооруженный нейтралитет. Мамуля еще не определилась, хочет ли она, чтобы Зяма женился и сделал ее тещей – персонажем анекдотическим и заведомо неприятным.

Скажу по секрету от бабушки: в ранних произведениях мамули, прославившейся своими романами ужасов, тещи – те еще монстры! Страшнее всяких зомби и вампиров.

Бабушка, кстати, вовсе не в курсе Зяминого скулежа, потому что он намного ниже ее порога чувствительности. Наша условно дряхлая старушка глуховата, и это спасает ее нервную систему от перегрузок. Мы, Кузнецовы, семейство беспокойное. Может, и не стоило бы тащить в наши ряды нежную Трошкину?

Я сочувственно и виновато посмотрела на всхлипывающую подружку, однако сочла своим долгом защитить непутевого братца:

– С чего ты взяла, что это Зямина баба?

– Я их виииии...

– Ты их видела? – Я хладнокровно перевела животный рев на человеческий язык.

Трошкина кивнула, забрызгав бумаги на столе слезами.

– В постели?

– Нет!

Алка вскинула голову. На измазанном растекшейся тушью лице отразился священный ужас. С таким выражением слушают новые рассказы Баси Кузнецовой пацаны – добровольцы из дворовой фан-группы мамули.

– Ага, не в постели, – я обнадежилась. – А где же?

– В магазиинииии...

– В магазине? И что, они там покупали вино, продукты и презервативы для приватной вечеринки на двоих?

– Нет! – Трошкина рассердилась. – Это был ювелирный магазин!

– О... – растерялась я.

– Ты прекрасно знаешь Зяму, и я тоже его знаю, как облезлого! – горячо заговорила Алка.

– Как облупленного, – машинально поправила я, слегка поморщившись.

Мой брат, конечно, негодяй, но он нисколько не облезлый. Зяма настоящий красавец – это у нас фамильное.

– Мы Зяму знаем и понимаем, что довести отношения с ним до витрины с золотыми кольцами может далеко не каждая женщина! – продолжила Трошкина.

– Редкая птица долетит до середины Днепра, – согласилась я и присела на стульчик рядом с Алкой.

Черт побери, неужели Зямка решил жениться не на Трошкиной, а на какой-то совершенно посторонней бабе, о которой я ничего не знаю, кроме того, что она въедет в нашу семью на красном «Пежо»?!

– Так что ты о ней знаешь? – прочитала мои мысли подружка.

– Ничего, – неохотно призналась я. – Совсем ничего! Но это дело поправимое.

Я встала и забросила на плечо свою сумку, как вещмешок.

– Вставай, Трошкина! Бери шинель, пошли домой! Мы еще повоюем за твое счастье!

С Алкой мы познакомились в детской песочнице, и я ее я тоже знаю, как обле... Пардон, как облупленную.

Деморализованная Трошкина была бы мне плохим помощником в борьбе за построение новой ячейки общества с участием Зямы (но без участия посторонней бабы на красном «Пежо»).

Хорошим помощником деморализованная Трошкина была бы разве что уличному попрошайке: глядя на ее бледную зарезанную мордашку, добрые люди стали бы щедрее на

подавания. Поэтому я заботливо отвела подружку к ней домой, усадила на кухне, приготовила чай и сунула в одну протянутую ручку Трошкиной дымящуюся чашку, а в другую – шоколадный батончик.

– Сиди здесь! – велела я и пошла энергично ворошить фамильное гнездо Кузнецовых.

Птенчик Зяма сидел на кухне, разинув клювик: терпеливо ждал ужина. Папуля в переднике маскировочного окраса разминал голеностоп у плиты, на которой злобно шипели и шкворчали неукротимые сковородки.

– Всем привет! – сказала, как выстрелила, я и сразу же развернулась к братцу. – А некоторым еще и вопрос: колись, братишка, что это за история с бабой на красном «Пежо» в ювелирном магазине?

Согласна, формулировка не грешила точностью. Но Зяма явно понял, о чем я, и заерзал на диванчике.

Назревающему признательному «расколу» помешала мама, явившаяся в кухню вслед за мной.

– Что случилось, кто-то въехал в магазин на машине? – по-своему поняла она.

– Машина с бабой за рулем страшнее танка! – шовинистически высказался экс-полковник папуля.

– Где танки?! – с ходу взволновалась бабуля, ворвавшаяся в кухню на маминых плечах.

Она сунулась к окну, никаких бронемашин во дворе не увидела и немного успокоилась, пробормотав по инерции:

– А я говорила, аукнется еще Крым.

– Кстати, про Кючук-Кайнарджийский мирный договор по Крыму! – встрепенулся папа, всегда готовый поделиться бесценными сведениями из отечественной военной истории. – Великий русский полководец и дипломат граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский...

– О, боже, – вздохнул Зяма.

– Молись, молись, тебе придется нелегко, – зловеще пообещала я. – Я вырву из тебя правду каленым железом!

– И правда, Боря, ты изрядно перегрел сковородки! – вмешалась бабуля, общительность которой растет прямо пропорционально глухоте.

– Мама, я знаю, что делаю! – сдерживаясь, ответил папуля. – Я все-таки специалист!

– По танкам, – напомнила мамуля. – А где тут они?

Ей было весело. У нашей мамы шикарное чувство юмора, она может найти смешное в любой ситуации. В ее ужастиках полно комических моментов, и многие читатели особенно любят их именно за это. Хотя, скажу я вам, очень странно выглядит человек, радостно хихикающий в раскрытую книжку с горой черепов на обложке!

– Мы продолжим разговор после ужина, – пообещала я Зяме, понимая, что в присутствии родственников учинить братцу толковый допрос с пристрастием не получится.

Папа подал блюдо под названием «Куи по-перуански», приготовленное им по собственному рецепту.

– В оригинале была морская свинка, – оживленно сообщил он, наблюдая за едоками, и свое-временно похлопал по спине поперхнувшуюся мамулю. – Ешь спокойно, Бася, в этой версии кролик. А остальные ингредиенты были достаточно просты: кукурузная мука, красная луковица, помидор, картофель, тмин, острый соус из перца чили, лимон, растительное масло, соль, перец, и я оставил их без изменений. Только морскую свинку заменил.

– Свирина? – не дослышала бабуля. – Я же не ем свинину!

– Это морская свинина, – хихикнула я.

– Морепродукты я ем, – с достоинством согласилась она.

– Очень вкусный куи, – похвалил Зяма, шустро обглодав ножку кролика, который вполне успешно выступил дублером морской свинки. – Или вкусная? Или вкусное? Что нам скажет филолог?

Он подпихнул меня локтем, воспользовался моей минутной задумчивостью, чтобы стянуть с блюда последний кусочек куи, и в ответ на мой негодующий взгляд ехидно прошептал:

– Ни куи тебе!

– Фи, – поморщилась мамуля, которая услышала эту сомнительную шутку. – Казимир, веди себя прилично. Не выражайся за столом в кругу семьи.

– Я думаю, нам пора выйти из круга, – с нажимом сказала я Зяме.

– И перейти в пентаграмму? – вздохнул он. – Где я, лукавый бес, буду корчиться под ударами могучих заклинаний?

– Спиши слова, – невозмутимо попросила мамуля, подбирая хлебной корочкой вкусную перуанскую подливку. – Они мне пригодятся для новой книжки.

Родные давно привыкли к нашим с Зямой пикировкам и скорее насторожились бы, будь мы друг с другом милы и любезны.

– Стойте, дети! Вы еще должны попробовать чича-морара! – агрессивно потряс половником папуля.

– А что это? – опасливо поинтересовалась я.

Неведомое «чича-морара» звучало зловеще. На месте мамули я бы и эти слова записала. Они так и просились в экзотический ужастик: «Старый перуанский колдун прохрипел: «О, чича-морара!» – и разразился зловещим кудахтающим хохотом». Как-то так.

– Чича-морара – это всего лишь сладкий напиток из красной кукурузы, фруктов и пряностей. – Папуля ловко наполнил стакан бурой жижей. – Пей, не бойся.

– Возьму с собой.

Я ловким пируэтом обогнула папулю и унесла стакан, намереваясь очень осторожно продегустировать любимый напиток старого перуанского колдуна в уединении. Без риска, что папуля заставит меня выхлебать это пойло все до капельки, даже если на вкус оно редкая гадость.

Через пару секунд меня настиг Зяма с таким же стаканом, который он держал на отлете, явно опасаясь, что чича-морара заморозит, тьфу, замарает его новые дизайнерские джинсы с аппликацией из молочной замши.

– Подержи. – Братец сунул свой стакан мне в руку, первым ворвался в мою комнату и бесцеремонно рухнул на диван.

– Встать, суп идет! – потребовала я, имея в виду папулину бурую чичу, она же морара.

От нее так или иначе необходимо было избавиться как можно скорее, чтобы наш родной кулинар не подумал, будто мы преступно пренебрегли дегустацией.

– Открой окно и закрой дверь!

– Понял.

Зяме не надо было объяснять, что именно я задумала.

Братец распахнул окно, закрыл и придержал своим телом дверь, а я перегнулась через подоконник и выплеснула жижу из стаканов с восьмого этажа, целясь в клумбу, на которой тетя Даша из пятой квартиры выращивает декоративные подсолнухи.

Кто не знает, исторически это растение родом из Южной Америки, значит, должно быть совместимо с перуанскими жидкостями в ассортименте. Авось, солнечные цветочки переживут однократный полив свежей чича-морардой.

– Все не выливай!

Зяма в два прыжка подскочил ко мне и с сожалением посмотрел на пустые стаканы.

– Эх... Считай, напросились на добавку! Папуля решит, что нам понравилось, и нальет еще.

– Полюем подсолнухи еще раз. – Я пожала плечами, закрыла окно и поправила занавеску. – Все, Зяма, садись и не отвлекайся на ерунду. Разговор у нас с тобой будет очень серьезный. Что это за новая баба на красном «Пежо»?

– Красный «Пежо», красный «Пежо», – забормотал братец, как бы напрягая память.

– Новая баба, новая баба! – сместила акцент я. – Кто она такая и почему вы с ней гуляли в ювелирном магазине?

– Ах, ЭТА баба!

Зяма не то изобразил, не то действительно испытал облегчение.

– Это моя клиентка, Тамара Руслановна Кулишевская, владелица сети гомеопатических аптек. Я оформляю ее новую квартиру.

– Кольцами?

– Стразами! У нее в межкомнатных дверях будут витражные стекла с камушками, и вот по поводу размеров этих камушков мы с Тамарой Руслановной никак не приходим к единому мнению. Она хочет вот такие! – Зяма пальцем начертил в воздухе ромб размером с воздушного змея. – А я говорю, что это будет китч!

– И вы пошли в ювелирный, чтобы выбрать камушки? – недоверчиво уточнила я. – Вы что, бриллиантами будете двери обклеивать?!

– Зачем бриллиантами? Кристаллами Сваровски.

– То есть жениться на этой самой Тамаре Руслановне ты не собираешься? – еще раз уточнила я. – Трошкина зря испугалась, что ты ей не верен?

– Она нас видела? – Зяма сморщился. – Ой-е-ей, как плохо...

– Не переживай, я сама поговорю с ней и все объясню, – пообещала я, преисполнившись симпатии к братцу, который, оказывается, вовсе не такая скотина, как мы с Алкой подумали. Мне даже стало совестно, что я в нем усомнилась.

– Пойду к ней прямо сейчас! – Я потянула на себя ручку двери и увидела на пороге папулю с подносиком.

– Кому добавки? – провозгласил он.

Я оглянулась на Зяму – он сморщился – и проявила благородство:

– Давай, я Трошкину угощу.

Папа любезно открыл и придержал мне входную дверь, и я поплыла вниз по лестнице с чича-морадой навывнос. Трошкина уже успела запереться. Много лет подружка вовсе не имела похвальной привычки закрывать дверь на ключ изнутри, но мой братец перевоспитал ее в одночасье.

Как-то раз он ввалился в квартирку Алочки без спроса и стука, в момент, когда хозяйка гнездышка имела некондиционный вид общипанной курицы. На лице у Трошкиной было кровавое месиво клубничной маски, на голове – лакированный термитник маски масляно-медовой, а на талии – пухлый, как спасательный круг, пояс для похудения. Все вместе преобразило милую Алочку настолько, что Зяма, охнув, пробормотал:

– Пардон, бабуля, а Алки дома нет? Тогда я позже зайду.

И сконфуженная «бабуля» даже не решилась его окликнуть. С тех пор подружка запорными механизмами не пренебрегает, отчего попасть к ней в дом бывает затруднительно.

Поскольку руки у меня были заняты подносом с чича-морадой, позвонить я не могла и постучала в дверь пяткой. Импровизированное соло на барабанах вызвало некую реакцию только после мощного крещендо.

– Это кто стучит ко мне? – прокричала подружка, открывая дверь.

Я развернулась и вплыла в прихожую подносом вперед.

– С чем-то бурым в стакане? – опасливо договорила Алка, вешая телефонную трубку и косясь на чича-морату.

– Это мексиканское народное пойло, возможно, тебе понравится, – я вручила ей подносик. – С кем болтала?

– С твоей бабушкой, – Трошкина унесла угощение на кухню. – Тебе, едва ты ушла, звонила девушка с овощной фамилией!

– Какая именно? Репина?

– Бабушка не помнит! – Трошкина вернулась. – А у тебя разве много овощных знакомых?

– Даша Репина, Вера Огурцова и еще жена Василия Буракова, не помню, как ее зовут...

Да ну их всех в сад! – Я решила не гадать: кому надо, тот перезвонит. – Давай-ка я тебе лучше про бабу на красном «Пежо» расскажу. Как я и думала, ты зря переживала: эта «пежонка» – Зямина богатая клиентка, и в ювелирном магазине они выбирали кристаллы Сваровски для отделки интерьера. Вот и все.

– Правда? – Трошкина недоверчиво прищурилась. – Тогда объясни мне, зачем эта баба приходила к нам в офис?

– Когда это? – спросила я, пройдя в комнату и устроившись на диване.

– Да сегодня! – Алка тоже рухнула в кресло. – Вы все ушли, а я письмо-приглашение свинтусам писала. И тут она – р-раз! – и распахнула дверь. Посмотрела на меня странным взглядом, зловеще объявила: «Это вы, Алла? Вы-то мне и нужны!» – и тут же снова дверь захлопнула. Я посидела, посидела, выглянула в коридор – а там никого.

– Ну? – не дождавшись продолжения, я покачала тапкой. – И чем же это не сочетается с версией о богатой клиентке с большими причудами?

– Она пришла ко мне! Зачем и почему? – Трошкина тряхнула локонами, и взгляд у нее стал острый, как циркуль: точно так отличница Аллочка выглядела в школе, у доски, где щелкала задачки, как орешки. – По-моему, все ясно: эта баба имеет виды на Зяму. Она узнала, что у него есть невеста, выяснила, кто она и где работает, и явилась, чтобы выяснить отношения.

– А чего ж не выяснила?

– Вот уж не знаю! Я бы выяснила! Если бы только она не убежала...

Я развела руками:

– Алка, по-моему, твоя версия высосана из пальца. Баба хоть и назвала тебя по имени, но ничего не сообщила о своих намерениях. Может, у нее к тебе совсем другого рода претензия, не по части раздела Зямы? А может, вообще не претензия. Может, она представитель лотереи и пришла объявить тебе о выигрыше. Или член секты, в которую хочет тебя заманить. Или сборщица подписей под феминистским манифестом. Я могу еще сто таких версий придумать! Давай подождем какого-то развития событий.

В прихожей соловьем защелкал телефон.

– О! Какое-то развитие событий! – обрадовалась Алка и полетела к аппарату.

Но это оказалось совсем другое развитие: звонила наша бывшая коллега Маруся Сарахова.

– Тебя, – разочарованно выдохнула Трошкина, помахав телефонной трубкой.

Я подошла к аппарату, но прежде, чем начать разговор с Марусей, спросила Алку:

– Это Сарахова-то овощная девушка?

– На «арахис» похоже, – пожала плечами подружка.

– Арахис – орех!

– А вот и нет, он из семейства бобовых!

Я закатила глаза и прилепила трубку к уху.

– Инка! Какое счастье! Я знаю, ты меня спасешь! – с места в карьер заблажила экспрессивная Маруся.

Любопытная Трошкина бессовестно приникла к трубке с другой стороны.

– У меня сейчас нет денег, – торопливо заявила я, предположив, что Марусе, которая всегда живет очень бурно и не по средствам, снова потребовался заем.

– Тем более! – не обескуражилась моя собеседница. – Я отдам тебе половину, только помоги!

– Половину чего? – шепотом просуфлировала Трошкина, которая всегда рассудительна и практична, если только речь не идет о ее взаимоотношениях с Зямой.

– Какую половину? – по-своему спросила я.

– Бóльшую! – вскричала Сарахова с ударением на первый слог.

– Так не бывает, – пробормотала отличница Трошкина. – Половины – они одинаковые.

Я отодвинула зануду-зубрилку плечом и спросила:

– Насколько бóльшую?

– Шестьдесят на сорок, – быстро ответила Маруся.

– Семьдесят на тридцать, – не согласилась я.

– Ты же не знаешь, о чем торгуешься! – схватилась за голову Алка.

– Ладно, шестьдесят пять на тридцать пять, – вздохнула Маруся. – Итого твоих примерно три-дцать восемь. Идет?

– Да. – Я успокаивающе похлопала по плечу нервно подпрыгивающую Трошкину. – Теперь скажи, чего именно тридцать восемь?

– Попугаев, – мрачно буркнула Алка.

– Тысяч рублей, конечно, чего же еще? – Маруся вроде удивилась. – Или ты думаешь, мне в евро платят? Да пока нет, не доросла я до гонораров в валюте.

– Так, значит, это гонорар, – логично рассудила я. – Прекрасно. А за что?

– За то, что ты займешь мое место, конечно! Или ты спрашиваешь, за что мне гонорар? О, ра-зумеется, за работу, которую, впрочем, придется сделать тебе.

– Нормально! – Я искренне возмутилась. – Я, значит, сделаю твою работу за половину твоего гонорара?! По-твоему, я вдвое менее ценный специалист?!

– А ты не хочешь спросить, что это за работа?! – зашипела неугомонная Трошкина.

– Шестьдесят пять процентов – это гораздо больше половины! – напомнила Маруся.

– Ищи дурака, – фыркнула я.

– Инусь, ну ладно, ладно, я отдам тебе семьдесят процентов! Даже семьдесят пять! – заскулила Сарахова. – Больше никак, мне ведь еще «Боярыне Морозовой» придется откатить!

– Кому-кому?

– Да кадровому агентству! Я же не могу отказаться просто так, это сильно испортит мою репутацию! – Сарахова вздохнула. – Ин, подумай, пятьдесят тысяч! Соглашайся, я знаю, что это твоя зарплата за месяц!

– Ладно, согласна, – сказала я, и Трошкина снова схватилась за голову. – Теперь рассказывай, что мне придется сделать за этот полтинник. Кого-то убить?

– А ты можешь? – Маруся неподдельно заинтересовалась. – Я думала, это стоит гораздо дороже...

Тут Алка не выдержала и вырвала у меня трубку:

– Сарахова, криминальная ты личность, сбавь скорость! Я не позволю тебе втянуть Кузнецову в авантюру! Живо рассказывай, что ты затеяла, и помни, что тебе пока что дали только предварительное согласие!

– О, Трошкина! – Маруся, как ни странно, обрадовалась Алкиному вмешательству. – Ум, честь и совесть Кузнецовой!

– Уж так прям и ум, – пробурчала я, вытягивая шею и ухо, чтобы лучше слышать.

– Девчонки, нам надо встретиться и все обсудить, – донеслось из трубки. – Как насчет «Суши Луши», через час-полтора? Я приглашаю.

– Я «за»! – крикнула я.

Не упускать же возможность вкусно поужинать за чужой счет? На папины мексиканские корма я не особо налегала и чувствовала себя вполне в силах уплести еще что-нибудь.

– Договорились, в восемь в «Суши Луши», – закончила предварительные переговоры Трошкина.

В такси по дороге в ресторан мы с подружкой бурно дискутировали о том, кто из нас с ней лучший дипломат, и чуть не поссорились, но в итоге пришли к мировой, договорившись, что обе и в подметки не годимся графу Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому.

У Жоры Горохова выдался трудный день, перетекший в сложный вечер.

Упакованные баночки импортного художественного дерьма имели вид, габариты и вес отечественного овощного ящика.

– Брутто тридцать три кило, – предупредил Жору водитель почтового фургона, пряча в планшет чин чином оформленную расписку в получении ценного груза.

– Брутто, брутто... Как-нибудь допру-то! – небесталанно срифмовал Горохов, радуясь тому, что дело движется.

С помощью почтового водителя он перегрузил увесистый ящик в свою машину и бережно, чтобы не растрясти содержимое баночек, повез искусство в городскую художественную галерею.

И тут удача Жоре изменила.

– Извините, но мы так не договаривались, – строго сказала сухощавая дама, состоящая в должности главного хранителя.

Звучный титул красивыми золотыми буквами с завитушками был отпечатан на кармашке форменного халата из благородного серого полотна. Из кармашка выглядывали ручки небольшого шарнирно-губцевого инструмента. Заглядевшись на сей аксессуар, Жора даже не сразу понял суть сказанного. Он заинтересованно гадал – что это такое? Клещи, кусачки, плоскогубцы? И зачем?

У главной хранительницы было сухое и твердое лицо потомственной испанской инквизиторши. Жора с легкостью мог представить благородную донью хранительницу с ее стальным инструментом в пыточной – оттяпывающей пальцы неразумным грешникам, которые дерзнули тронуть музейные сокровища немытыми руками.

– Мы не договаривались о хранении экспонатов, – заявила хранительница. – По нашим правилам, вы должны доставить их в день монтажа экспозиции. В данный момент галерея не располагает охраняемым помещением, приспособленным для временного хранения ценностей, и не оказывает такого рода услуг.

– Вот дерьмо! – четко в тему привезенных ценностей высказался Горохов. – И что же мне делать?

Ему ничуть не хотелось переть эксcrementальное искусство в свою квартиру. Столь смелый авангард не сочетался бы с классическим интерьером и любопытным терьером, который запросто мог докопаться до содержимого ящика. К тому же жилище Горохова располагалось на пятом этаже в доме без лифта.

– Обратитесь в банк, – посоветовала Жоре донья хранительница и попыталась закрыть перед ним дверь.

Горохов очень хорошо представлял себе, что ему скажут в банке, если он пожелает оставить там на хранение свой интересный ящик.

Столице аграрного края еще только предстояло оценить художественные эксперименты с эксcrementами. В данный момент в городе не было даже банка спермы, что уж там говорить о специальном банке фекалий!

С другой стороны, именно эта недооценка горожанами высокого искусства дефекации позволяла не особо беспокоиться о сохранности экспонатов.

– Минуточку! – Жора решительно застопорил дверь ногой. – Если проблема заключается только в отсутствии специального хранилища, то это вовсе не проблема. Можете оставить этот ящик хоть в кладовке под лестницей. Я обещаю вам, что его никто не украдет.

– Простите, но я не верю обещаниям незнакомцев, – высокомерно объявила донья хранительница, и ушлый Жора тут же понял, где слабое место собеседницы.

– Я могу представить самые лучшие рекомендации! – пообещал он, нашаривая в кармане куртки телефон. – Верительные грамоты и все такое... Скажите, кто для вас авторитет?

– Европейский музейный форум, – не без ехидства сообщила донья.

– Э-э-э... Значит, нужен знакомый авторитет из мира искусства?

Жора быстро пролистал список контактов в своем телефоне.

– Вот, пожалуйста: Казимир Кузнецов! Лауреат многочисленных конкурсов и премий, бесспорная величина в современном искусстве дизайна, его в нашем городе любая... гм... хранительница знает!

Энергичным шевелением бровей он отмел возможные возражения и ловко послал вызов на номер лауреата и величины.

Ранним вечером задолго до заката знаменитый Казимир Кузнецов лежал в постели, что он и сам бы посчитал предосудительным, если бы вульгарно спал. Но Казимир был чужд ленивой дремоты, он энергично и добросовестно предавался любовным утехам, каковое занятие совершенно искренне полагал наидостойнейшим мужским делом и где-то даже подвигом.

Сподвижницей Казимира была Тамара Руслановна Кулишевская, владелица сети гомеопатических аптек и пресловутого красного «Пежо», чужая жена и поклонница многочисленных Зяминых талантов, включая и художественный, но не в первую очередь.

Сообщив сестре и через нее – ревнивой Алке, что Тамара Руслановна является его клиенткой, Зяма вовсе не соврал. Он просто не сказал всей правды.

А мадам Кулишевской, которая тоже как-то видела его с Трошкиной, Зяма объявил, что Алка – его сестра. Ему повезло: в тот момент, когда Тамаре выпала возможность спросить, указуя перстом: «А это что за девушка?!», Алка шествовала плечом к плечу с Инкой, так что Зяма снова не соврал. Он просто воздержался от пошлого тыканья пальцем в названную им особу.

В результате великолепный Казимир совершенно не мучился угрызениями совести от того, что водит за нос сразу двух своих милых дам. Ведь они обе оказались наполовину обманутыми, и это равенство положения никак не позволяло обвинить Зяму в том, что к Аллочке он относится лучше, чем к Тamarочке, – или наоборот!

Гениальный Казимир Кузнецов парадоксально сочетал грязные помыслы и чистую совесть.

Телефонный звонок удачно угодил в антракт между постельными действиями.

– Да-а-а, слушаю, – расслабленно отозвался Зяма.

– Казимир Борисович, здравствуйте, это Георгий Горохов, коллега вашей сестрицы Инди.

– Не орите, – заметно менее добродушно буркнул братец, отодвигаясь от подруги, которая полагала, что его сестрицу зовут Аллой. – Вы коллега моей сестры, и что?

– И я прошу вас заверить одну очень строгую даму, что рекламное агентство «МБС», в котором работаем я и сестра ваша Ин...

– Интересно и плодотворно работаете, подтверждаю! – рявкнул Зяма, заглушая «неправильное» имя. – Замечательно работаете, выше всяких похвал, настоятельно рекомендую!

– Вот, слышали? – донеслось из трубки. – Это не кто попало, это сам Казимир Кузнецов говорит! Я работаю вместе с его сестрой Ин...

– Иногда вместе с сестрой, а иногда без сестры! – повысил голос Зяма. – Но всегда прекрасно, подтверждаю, и давайте на этом закончим, я очень, очень занят!

– Спасибо, Казимир Борисович! – поблагодарила трубка.

– Пожалуйста, – проворчал Зяма и спрятал телефон под подушку.

– Все в порядке, милый? – спросила Тамара, пощекотав квадратный подбородок возлюбленного.

– Все прекрасно, дорогая, это семейные дела, – ответил Зяма, морща лоб.

До него с опозданием дошло, что он малость недодумал, назначив своей сестрицей Алку, потому как настоящая сестрица Инка от этого никуда не делась и, видимо, будет еще путаться под ногами. На этот случай надо было что-то сочинить...

– Похоже, в нашем отчем доме будут гости, – придумал Зяма. – К нам приедет Индия, моя двоюродная сестра из деревни.

– Из индийской деревни? – заинтересовалась Тамара.

– Нет, из отечественной. Ее полностью Индустрия зовут, как прабабушку. – Выдумщик Зяма поворочался, устраиваясь поудобнее. – Это редкое имя появилось в семье Кузнецовых очень давно, еще на заре советской власти, и с тех пор передается через поколение – такая у нас традиция...

– Как красиво! – восхитилась Тамара. – Индустрия... Казимир... А твое имя тоже времен зари советской власти? Должно быть, посвящено борьбе за мир?

Тут Казимиру беспощадно припомнилось, как на заре школьной жизни одноклассники уверенно дробили его редкое имя на две части – «Козий» и «Мир» и какую внутреннюю и внешнюю борьбу это порождало.

Настроение у сказочника тут же испортилось.

– Давай спать, а? – неромантично зевнул он и показательно захрапел, ускользая от неудобных распросов в царство Морфея.

– Я буду по тебе скучать, – призналась мне Трошкина.

– И-йа! – икнула Сарахова.

Я говорила ей, что роллы с сибасом не стоит запивать шампанским, но Маруся неукротимо жаждала праздника.

– Й-а й-еду, й-еду, й-еду в далеки-йе кра-йа! – в рваном синкопированном ритме с пьяным запотыком распевала она, ворочаясь на переднем сиденье такси, как весенний медведь в берлоге.

В ходе встречи в «Суши Луши» мы с Марусей достигли полного понимания и взаимовыгодного соглашения.

Ушлая Сарахова ухитрилась одновременно получить сразу два заманчивых предложения. Себе она оставила пресс-тур в Грецию, а мне сбагрила командировку в новенький, с иголочки, парк развлечений Русляндия. Тамошнее руководство вознамерилось силами приглашенного эксперта проверить качество работы штатных маркетологов, и Сараховой (то есть в итоге мне) выпал шанс поработать ревизором.

Трошкина же получила от меня неоплачиваемое творческое задание сочинить и представить Броничу страшную сказку о загадочной болезни, уложившей ценного сотрудника Кузнецову в постель на неделю как минимум.

– Ты, конечно, не совсем маркетолог, но и я не очень журналист, так что все по-честному, – своеобразно рассудила аферистка Маруся. – Главное – ты, Инка, тоже блондинка!

И она запела на блатной мотив:

– Инка как блондинка по двору идет!

– Шишки собирает, песенки поет, – проворчала Трошкина.

Откровенно завидуя предстоящим мне и Сараховой приключениям, она бессовестно пыталась отравить нам радость жизни скептическими замечаниями:

– А вы уверены, что никто не заметит подмены? Ведь Кузнецова выше тебя, Сарахова, почти на две головы!

– Так ведь меня в этой самой Русяндии живьем никто не видел! Только на фото в скане паспорта! – широко отмахнулась Маруся, едва не заехав в ухо таксисту.

Машина вильнула, напугав бредущий параллельным курсом трамвай.

– Основные факты моей биографии ты, Инка, и сама знаешь, так что авось не прова-
лишься, – рассудила Сарахова. – Неделю продержишься как-нибудь, я в тебя верю.

– Тогда деньги вперед, – попросила я.

– Не настолько верю, – подумав, вздохнула Маруся. – Чутьочку все же сомневаюсь.

– Я бы даже сказала, изрядно колеблешься, – ехидно уточнила завистница Трошкина, намекая на Марусину неустойчивость.

Мне, как самой трезвой (и самой сильной), пришлось сопроводить шатающуюся Сарахову до порога ее квартиры.

А Трошкина ждала моего возвращения в такси и потому не увидела во внутреннем дворе сараховского дома Зямину машину, компрометирующе припаркованную бок о бок с незабываемым красным «Пежо».

Я не стала рассказывать ей об этом, чтобы не спровоцировать очередную вспышку жгучей ревности. Мне было некогда отвлекаться на чужие страсти-мордасти: уже утром я, самозванный ревизор-маркетолог, должна была отправиться по месту назначения – в тематический парк Русяндия. И самым актуальным для меня вопросом был такой: что положить в чемодан?

Модные дамы и пажоны вроде Зямы меня поймут. С разбегу собрать идеальный гардероб на неделю жизни в незнакомом месте – это задача потруднее той, что досталась примороженному Каю. Сложить из льдинок на полу одно лишь слово «Вечность» – подумаешь! Я густо испещрила все горизонтальные поверхности в своей светлице разноцветными иероглифами разбросанных одежек и, когда глаза мои и мысли окончательно разбежались, обессиленно присела на чемодан.

Слоновый вздох, вырвавшийся из моей груди, остановил в поступательном движении мамулю. Она искала встречи с заплутавшей музой ужасиков, прогуливаясь по коридору в характерной манере деревенского привидения: в долгополой ночнушке из светлого полотна, простоволосой и босиком.

– Дюшенька? О!

Родительница заглянула ко мне и округлила глаза:

– Ты наводишь порядок в шкафу?!

Я хмыкнула. Порядок в моем платяном шкафу бывает лишь дважды за всю его мебельную жизнь: в светлый миг прибытия гардероба из магазина и в скорбный час его ухода на свалку! Только такая фантазерка, как Бася Кузнецова, могла предположить, будто я в глухой полночный час поддамся вирусу аккуратности, к которому у меня стойкий иммунитет с ранних лет. Трошкина в институте, помнится, очень эффектно проиллюстрировала свой доклад на тему «Хаос как понятие и явление» фотографией внутреннего мира моей дамской сумки...

– Нет, мам, я собираюсь в срочную командировку. Уеду уже утром, вернусь через неделю, – лаконично проинформировала я родительницу.

– Да что ты? А куда ты едешь?

Мамуля подхватила с пола кислотно-зеленую маечку, приложила ее к своему сермяжному балахону и повертелась у зеркала.

– В парк Русяндия, – я оценила смелую маечку свежим взглядом со стороны и отняла ее у родительницы. – Пожалуй, это я возьму.

– Да что ты?! – повторила мамуля и потянулась за следующей тряпочкой. – В Русландию?! В этот чудесный новый парк, который называют нашим ответом Диснейленду?! О!

Она взволновалась:

– А ты знаешь, что там все-все посвящено отечественному фольклору? Американская горка называется «Змей Горыныч», башня свободного падения – «Жар-птица», ресторан – «Скатерть-самобранка», отель – «Богатырь», парикмахерская – «Марья Краса – Длинная Коса»...

– А спа-салон для элегантных пожилых дам – «Баба Яга – Костяная Нога», – бархатно хохотнул в прихожей знакомый мужественный голос. – И эпиляцию там делают рубанком!

Обиженная мама надула губы, а я обрадованно позвала:

– Эй, братец козленочек! Заходи, ты-то мне и нужен!

Зямка – великий спец по модным тряпкам – в два счета собрал для меня чемодан, и в семейном гнезде Кузнецовых наконец-то воцарилась такая же сонная тишина, как во всем нашем благословенном городе.

В Русландию поутру меня с чемоданом отвез тот же Зяма, и я не думала, что он помогает дорогой и единственной сестричке из бескорыстного благородства. Я не такая дурочка. Зная братца, я догадывалась: он старается меня задобрить, ибо что-то натворил.

У меня было сильное подозрение, что Зямин тайный грех связан с дамой в красном «Пежо», и, видимо, поэтому мне то и дело мерещилась в кильватере аналогичная машина.

День второй. «Инди руси бхай бхай» и кража века

– Как? Как это могло случиться?!

Упитанный Бронич вперевалку пробежался по кабинету, и раскидистая пальма в кадке испуганно затряслась.

Горохов поджал ноги.

– Как? Ну, как?! – остановившись перед ним, с надрывом спросил шеф.

– Как, как, – пробурчал Жора и отвел глаза в сторону.

В той стороне, у сооруженной на небольшом подиуме барной стойки, застрахованный от столкновений с хаотично бегущим Броничем, восседал на высоком табурете режиссер Вениамин. Никакой его вины в случившемся не было, зато имелась возможность набрать очки за счет проштрафившегося коллеги, что Веника откровенно радовало.

– Хватит «какать» уже, – нагло сказал он.

И первый и единственный засмеялся над собственной гадкой шуткой.

– Умыкнул ваше художественное дерьмо какой-нибудь пролетарий, введенный в заблуждение суммой страховки в сопроводительных документах. – Веник хлюпнул соком.

– Так надо искать! – потребовал Бронич.

– Михай-и-ил Брониславич! – Режиссер всплеснул руками. – Что искать? Две банки импортных кашешек? Вы думаете – вор сохранил их в ценности и сохранности, когда понял, что именно украл? Не верю. У меня нет сомнений, что шедевр погублен.

И он злорадно захихикал.

– Положим, не весь шедевр погублен, а только его незначительная часть, – возразил Горохов. – Всего двух банок не хватает, я уверен, что посетители выставки этого даже не заметят.

– А вот эстонский владелец шедевра заметит! – напомнил Бронич и, добежав до кресла, упал в него со стоном. – И страховая компания заметит, ой, как заметит! А какой нам влепят штрафик?

– Му-му-му-на, – неохотно промычал Горохов.

– Пол-лимона! – с удовольствием перевел режиссер. – Ого! Пятьсот тысяч рублей! Михаил Брониславич, у нас есть пол-лимона рубликов на штрафик?

– У нас есть, но на зарплатку, – признался Бронич и посмотрел на Веника, приподняв одну бровь.

– О! – Режиссер распрямился и посерьезнел. – То есть вы так вот ставите вопросик?

Он побарабанил пальцами по барной стойке.

Смекнув, что моральная экзекуция закончена и начинается конструктивная беседа о путях выхода из кризиса, Жора Горохов приободрился.

– Значит, так. Я предлагаю сделать эти две баночки самим, – деловито сказал он.

– Как? – Бронич поднял вторую бровь.

Жора выразительным кивком указал на дверь начальственного клозета, украшенную художественной фотографией брюссельского писающего мальчика.

– Гхм...

Бронич покраснел.

– Ну, да, я понял. Но это же будет подлог, что наказуемо!

Горохов загрустил. Он знал, что Михаил Брониславич Савицкий по возможности читит Уголовный кодекс.

– А кто узнает, что внутри... не то, что было? – осторожно сформулировал Веник. – Банку мы найдем такую же, этикетку напечатаем неотличимую...

– А если кто-то сделает анализ нового содержимого? – возразил ему шеф. – Э-э-э, нет, так не пойдет. Анализ все покажет. Спросите вот хотя бы Кузнецову, у нее жених эксперт-криминалист, она вам расскажет, что умеют экспертики!

– Интересная персона наша Кузнецова, – желчно пробормотал завистливый Веник. – Жених у нее криминалист, мама писательница, брат художник, папа кулинар...

– Что ты сказал, повтори? – встрепнулся Горохов.

– Я сказал, что Кузнецова наша – пуп земли! – фыркнул Веник.

– Нет, другое... – Жора медленно улыбнулся и щелкнул пальцами: – Есть решение! Я знаю, что нам делать!

– О, нет, – простонал Казимир Кузнецов и стукнул себя по лбу мобильником. – Я идиот, я должен был послать вас куда подальше еще вчера!

Он с сожалением подумал, что мог бы просто не отвечать на звонок. Тем более, что говорить по телефону за рулем – это нарушение.

– Теперь, к сожалению, поздно меня посылать! Теперь надо спасти ваше доброе имя! – нажал Горохов. – Кто поручился за сохранность груза? Вы! Кто будет втянут в скандальную историю с пропажей музейных сокровищ? Вы, Казимир Борисович. Но не печальтесь, есть способ спасти ситуацию. Сейчас я вам все расскажу.

– О, нет, нет и нет, – повторил Зяма, выслушав смелое предложение Жоры.

Это был самый странный заказ, который ему когда-либо поступал.

– Да почему же нет и нет? Подумайте, тут ведь все честно! – настаивал Горохов.

Понятие о честности у него было очень свое-образное.

– Вы художник, Казимир? Художник, и еще какой! Познаменитей того прибалта. Ведь знаменитей?

Самолюбивый Зяма, подумав, подтвердил, что тот прибалт супротив него – так, мелочь, мазилка чухонский.

– Значит, ваши произведения ничуть не хуже его произведений, – продолжил Жора.

– Все мои произведения?

Зяма задумался. Никогда прежде он не рассматривал ЭТО как произведение. Он ЭТО вообще никогда не рассматривал. А, нет, рассматривал, но очень-очень давно, еще в детстве, на даче в деревне Бурково, где на пыльном проселке лежали коровьи лепешки, по мере высыхания приобретающие сходство с керамическими тарелками грубой ручной работы. То есть, понятно, что не ручной...

– Ну, предположим, да, в моем случае это будет творение художника, – согласился он. – Но это же будет не то творение!

– А вы сделаете то, в точной точности то! У нас ведь есть подробное описание рациона, которого придерживался художник на стадии вынашивания своего... гм... творческого замысла! Вам, Казимир Борисович, всего-то и нужно будет точно так же питаться!

– А как...

– Ну – как? И это вы меня спрашиваете? У кого из нас папа – гений-кулинар? – Жора предъявил свой предпоследний козырь.

– О!

Зяма крепко задумался.

Хитрец Горохов выждал еще с полминуты и выдал свой последний аргумент:

– Только представьте, как опишут эту остроумную художественную мистификацию ваши биографы! Лет через пятьдесят это будет легенда, которая войдет в историю мирового искусства!

– Вообще-то мне хотелось бы войти в историю искусства не с дерьмом, – капризно пробурчал тщеславный Казимир, но уже было понятно, что он сдался.

А бывший полковник, действующий отец семейства и прирожденный кулинар Борис Акимович Кузнецов на необычное предложение Горохова согласился на удивление легко и быстро.

– Хм... А это серьезный вызов! – отметил он, ознакомившись с перечнем продуктов, употребленных автором художественных фекалий на стадии создания пропавших шедевров. – Тигровые креветки, с одной стороны, мягкий козий сыр, с другой, и ванильный крем, с третьей... Непростое сочетание!

Зяма занервничал:

– А если?

– Никаких если, я придумаю гениальный микс! – пообещал воодушевленный полковник от кулинарии и принял командование на себя. – Зяма, сегодня больше ничего не ешь, тебе нельзя засорять организм чем попало! Георгий, составьте список продуктов! По дороге в Бурково заедем в супермаркет и купим все необходимое.

Зяма поморщился. Любителем простых сельских радостей он не был, за исключением парного валяния с деревенскими девками на свежих пышных сеновалах.

– Зачем в Бурково-то? Комаров кормить?

– Не комаров, а вас, Казимир! – хихикнул Горохов.

– Сын, для чистоты эксперимента мы должны переместиться туда, где у тебя не будет никакой возможности нарушить правильную диету, – объяснил папуля. – Наша дача в Буркове – идеальный вариант: там ни кафе, ни ресторанов, ни магазинов, ни торговых аппаратов с шоколадками. А фрукты и овощи еще не созрели. Собирайся живо, мы едем немедленно!

– И соблюдайте, пожалуйста, полную секретность, – попросил Горохов. – Не стоит кому-то рассказывать, что мы занимаемся изготовлением художественных копий.

– Это называется «реплики», – грустно молвил модник Зяма.

– Репликаки, – удачно схохмил папуля, аккуратно складывая кухонный фартук.

– Мамочка моя дорогая! – протянула я, запрокинув голову, чтобы рассмотреть колоссальный серпантин в поднебесье. – Горе, горе, крокодил наше солнце проглотил!

Стоя почти в зените, разлапистая белая звезда дневного светила прочно застряла в стальной петле высоченной катальной горы, украшенной убедительным скульптурным изображением трехголового дракона.

– Змей Горыныч! Здоровенный, правда? Экстремальный аттракцион номер один в мире! – шурясь, с неподдельной нежностью молвил мой провожатый – бородатый малый в настоящей кольчуге.

По тону его можно было подумать, что он сам, лично, этого экстремального Горыныча высидел из яйца, вскормил и вырастил, но я-то прекрасно помнила подвиги сказочных богатырей. С трехговыми рептилиями они отнюдь не церемонились и напрочь извели на Руси Горынычей как вид.

В одной руке у богатыря был мой миленький розовый чемодан, в другой – свой собственный зазубренный меч, пугающе подкрашенный по зубчатому краю багряным. Аксессуары отчетливо контрастировали.

Впрочем, и сама я в летнем деловом костюмчике бок о бок с небритым амбалом в проводочном свитере и цельнометаллической тубетейке тоже должна была смотреться престранно.

– Таких горок во всем мире всего пять или шесть, – добавил информации богатырь.

– Жуть, – совершенно искренне сказала я. – Ни за какие деньги не стану на ней кататься!

– Да у нас единый входной билет вполне бюджетный, не волнуйтесь.

– Вы не поняли, – я одернула на себе пиджачок и отважно шагнула под арку из разноцветных букв, составляющих название парка. – Я не стану на этом кататься, даже если деньги заплатят мне!

– Хо! Это вы еще нашу башню свободного падения не видели! – басовито захохотал богатырь. – Она у нас самая высокая в Европе! Стра-а-ашная – до жути!

– Поверю вам на слово.

Я выступила на ярмарочную площадь в окружении расписных теремов и огляделась. В Русляндии было весело.

На центральной площади крутилась красивая расписная карусель с лошадками, грузоподъемность которых позволяла им нести даже взрослых.

Дяди и тети с блаженными лицами пупсов галопировали на карусельных жеребцах и кобылицах под звон литавр и трубные звуки живого оркестра.

Из динамиков лилась бодрая музыка в записи, галдели дети, птичками щелкали фотоаппараты, журчал искусственный ручей, а в центре озера фыркал фонтан. Было очень похоже, что так проявляет себя легендарная чудо-юдо-рыба-кит в глубоководном погружении.

«Как в сказке!» – восторженно ахнул мой внутренний голос.

Мамуля не ошиблась: сюжетные линии и аттракционы парка были посвящены отечественному фольклору.

«Итак, начинаются приключения Индии в Русляндии! – хихикнул мой внутренний голос. – Так сказать, Инди руси бхай бхай!»

Слева меня, ловко переступая двухметровыми ногами, прошагал скоморох на ходулях. Справа, приплясывая, протопал яловыми сапогами корабейник с сувенирами. Над толпой цветными пятнами качались надувные шарик на ниточках и комья сахарной ваты на палочках.

Я непроизвольно облизнулась.

– Нам туда.

Я бы еще поглазела, но богатырь повелительно махнул рукой в сторону бревенчатого терема, красиво декорированного искусственным мхом, и я послушно зашагала к этому образцу деревянного зодчества. С детиной, который использует в качестве указки меч-кладенец, лучше не спорить!

Берестяная табличка у входа невнятно проинформировала меня о том, что я вступаю в Операционны Палаты. Я было встревожилась, но возникшая в связи с богатырским мечом трусливая мыслишка о том, что тут-то меня и прооперируют, сама собой развеялась у второй двери.

Тамошняя табличка не претендовала на соответствие старорусскому стилю. Она была изготовлена из пластика и прямо называла вещи своими неблагозвучными именами: оказывается, я пришла в операционную дирекцию, функционирующую под руководством Томаса Берга Шваркенштаффа.

Таблички поменьше, расположенные пониже, сообщали о присутствии в той же самой дирекции Люка Аккерсдейка и Милана Бакейзена Ван дер Бринка. Последнее имя я прочитала с большим трудом, потому что оно было написано очень мелко.

Еще бы! В удобочитаемом формате «Милан Бакейзен Ван дер Бринк» тянуло на метровый транспарант!

– Откуда варяги? – шепотом спросила я своего спутника.

Было очевидно, что где-где, а в кадровой службе компании благородной идее создания русского народного парка цинично изменили. И даже не один раз.

– Амстердамские наймиты, – ухмыльнулся соплеменный богатырь.

– О!

В столице Голландии я бывала и ничуть не сомневалась: кто из Амстердама – тот к любым фантазиям привычен. Если Русляндия искала в своих сотрудниках безудержный креатив, амстердамские хлопцы и вправду могли пригодиться.

Тут мне пришло в голову, что я слишком консервативно оделась. Возможно, я бы лучше вписалась в новый трудовой коллектив в дизайнерских джинсах с прорезами и рубахе из дыр-

чатой розовой замши? С бисерными фенечками на запястьях и с венком из тюльпанов на голове, полной дредов...

Или в сарафане с кокошником. Хотя вряд ли Зяма снабдил меня театральным костюмом. Я покосилась на свой чемодан, который мой сопровождающий загнал в темный угол.

В помещении вообще было слишком сумрачно, на мой взгляд.

– Ну, оставляю вас в хорошей компании! – возвестил богатырь и откланялся.

Я близоруко прищурилась на крупную фигуру за столом.

Интересно – кто это? Люк Аккерсдейк, Милан Бакейзен Ван дер Бринк или сам Томас Бергер Шваркенштафф?

– Морской дядька и тридцать три богатыря! Вы где? – требовательно спросил металлический, с танковыми лязгами, женский голос. – Ау, богатыри?

Аккерсдейлиха какая-то. Или Шваркенштаффиха. Ван, так сказать, дер...

Не получив ответа, Аккерсдиха-Шваркенштиха требовательно покашляла.

– Тут был всего один богатырь, но он уже ушел, – помедлив, отозвалась я, поскольку больше некому было. – Здравствуйте, я Ин... То есть я Мария Сарахова.

– Вася! – пронзительно взвизгнул металлизированный женский голос.

Нервная какая, однако!

– Я не Вася, я Маша, – осторожно поправила я.

Вот так сразу откликнуться на Васю было выше моих сил.

Я и Машей-то зваться согласилась не сразу и отнюдь не забесплатно.

– Вася, почему ваша красная лошадь плавает в пруду?!

«Эта дама из Амстердама – она часом не сумасшедшая?» – тихо-тихо спросил меня внутренний голос.

А моя творческая фантазия живо нарисовала копию картины Кузьмы Петрова-Водкина «Купание красного коня», обрамив ее бордюрчиком из замшелых резных теремов.

Я громко кашлянула и возвысила голос:

– Я очень извиняюсь, может, я не вовремя, но у меня сегодня первый рабочий день...

– Все в порядке, лошадь мы уже выловили и сушим! – перебил меня ворчливый тенор.

«О-о, да у мадамы типичное раздвоение личности», – шепнул мне внутренний голос.

– Кто бы говорил, – самокритично пробормотала я и решительно охлопала стену в поисках электрического выключателя.

И стал свет.

Я посмотрела на Ван дер Шваркиху – или как ее там? – и нервно засмеялась.

На столе стояла здоровенная, как пятиведерный самовар, голова ростовой куклы медведя. Обезглавленное медвежье тело покоилось в кресле. Никого живого, кроме меня, в офисе не было, а рядом с мишкиной башкой, аккуратно под меховым ухом, лежала и голосила забытая рация.

– У Морского дядьки по расписанию обед, – с большим достоинством сообщила она мне потусторонним басом.

– Приятного аппетита, – хихикнула я и без приглашения – а кто б меня позвал? – подседа к столу.

Следующие десять-пятнадцать минут пролетели для меня незаметно. Говорливая рация на разные голоса озвучивала все переговоры, ведущиеся на территории парка, и это было не менее интересно, чем популярная программа «Радионяня» в наши с ней лучшие годы.

Лирическое отступление. Десять минут из жизни парка в радиоэфире

Приятный женский голос, бодро:
– Штаб – парку. Никто детей не терял? У нас тут два бесхозных ребенка, мальчик и... еще мальчик!

Озабоченный женский голос:
– Штаб, это касса. У нас заканчиваются билеты.

Встревоженный девичий голос:
– Внимание, говорит батут. У нас потекла крыша и срочно нужна тряпочка.

Вальяжный баритон, игриво:
– Креатив вызывает Дьявола!

В эфире кашель, озадаченное сопение, испуганный возглас «О боже!» и затихающим эхом чье-то «Свят, свят, свят!».

Затем сквозь шумы отважно пробивается Озабоченный Голос:
– Черт, дьявол, повторяю, у нас билеты заканчиваются! Штаб, что делать?

Приятный Женский Голос, бодряще:
– Просите – и дадут вам! Маркетинг, давайте еще билеты, я знаю, у вас есть.
– А что маркетинг? – ворчливый тенор. – Чуть что, сразу маркетинг, маркетинг...
– Внимание! Говорит и показывает батут! Тьфу, просто говорит. У нас тут...
– У нас тут объявилась ничейная девочка! Штаб, это Парк! Скажите, никто не ищет...
– ...Тряпочку?

– Кхе, кхе, я извиняюсь, – деликатный мужской голос. – Это, простите, Дьявол. Меня вызывали?

– Дьявол! – дружно орут сразу несколько голосов.
– Тряпочку! – перекрывает их Голос Батута.

Помехи в эфире. Затем сквозь шумы пробивается Бодрый Женский Голос:
– Всем, всем, всем! Дети уже не нужны. Повторяю: отбой по детям!

Вальяжный Баритон, ехидно, реплика в сторону:
– А ведь дети – наше все...
– Все! – горячо соглашается с ним Встревоженный Девичий Голос. – Все, амба, мы уже тонем! И тряпочка нас не спасет!

Фоново звучит нестройное хоровое пение: «Врагу не сдае-о-отся наш гордый батут...»

В эфире треск и шорохи, подозрительно похожие на веселое хрюканье. Затем сквозь шумы прорывается мужественный бас:
– Батут, это Тряпочка! Держитесь, я иду!
– Курс зюйд-зюйд-вест, если что, – любезно подсказывает голос Дьявола. – А меня-то зачем вызывали? Креатив, а, Креатив, ты где?
– Где же ты, Тряпочка?! – это снова Неукротимый Батут.
– Изыди из эфира, Дьявол! – раздраженно командует Штаб. – Батут, закрыть кингстоны, к вам уже идут! Маркетинг, якорь вам в глотку, где билеты?!
– Нам нужны билеты! Дайте нам билеты! Билеты или смерть! – скандирует Касса.

Штаб, с шипением:
– Маркетинг, кому с-с-сказано, поднес-с-сите в касссссу патроны, тьфу, билеты!
– А что маркетинг? Чуть что...

Помехи в эфире.
Бодрый Голос Штаба, как ни в чем не бывало:

– Кто помнит, где у нас волк из «Ну, погоди!»?

В эфире мощные аккорды, живо напоминающие творчество группы «Раммштайн».

– Ого, – почтительно молвит Батут. – Ой, это я не вам, это к нам Тряпочка пришла.

Штаб, с подозрением:

– Кто знает, куда делось покрывало с фигуры фотографа?

Батут испуганно ойкает и отключается.

Креатив деловитой скороговоркой объявляет:

– Внимание, ветер перемен заканчивается, скоро прилетит Мэри Поппинс, будьте готовы.

Дьявол, коварно:

– Всегда готовы! А мне-то куда?

– Въ адъ! – выразительно артикулирует непонятно кто.

Штаб, устало:

– У-мо-ля-ю, не засоряйте эфир...

Касса на полуслове обрывает задорное пение: «Ты сегодня мне принес не букет из алых роз, не тюльпаны и не лилии! Протянул мне робко ты наконец-то билеты...»

– А они такие мии-и-илые! – под плеск волны допевает Неукротимый Батут.

Демонически хохочет Маркетинг.

Помехи в эфире.

Я слушала это радиошоу с открытым ртом и прозревала: вот где настоящая жизнь! Вот где действительно нескучно! О, кажется, я нашла свое место в жизни, спасибо Марусе Саратовой с ее интригами! Русляндия, ты дивный мир моей мечты!

Скрип крыльца предупредил меня о чем-то прибытии. Я понадеялась, что это Дьявол: мне хотелось посмотреть на эту демоническую личность с приятным голосом.

Меня всегда тянуло к темной стороне силы, но многолетняя связь с сотрудником органов охраны правопорядка обеспечила мое затяжное пребывание на стороне добра. Тем более грех не воспользоваться случаем ухватить чертовщинки, пока ангел в майорских погонах Денис Кулебякин повышает свою квалификацию на столичных курсах.

Но в офис решительным шагом с односторонним подскоком ворвался не черт-дьявол, а дюжий дед иноземной внешности. Крупными чертами длинной породистой физиономии он походил на лошадь, каковое сходство усиливало фырканье – такое мощное, что трепетал галстук-бабочка.

«Пожалуй, это у нас старая фламандская», – услужливо подсказал мой внутренний голос, ревизовав наши общие знания о породах лошадей-тяжеловозов.

Могучий хромоногий старец выглядел на редкость колоритно. Бабочка у него была красная в белый горох, рубашка зеленая, пиджак коричневый, штаны синие, а башмаки на ногах вообще разного цвета: белый и серый! Носки я не разглядела.

– Один белый, другой серый, гуси мои, гуси, – пробормотала я, автоматически пытаюсь нейтрализовать шокирующее действие заморской экзотики глоточком чисто русского фольклора.

– Га! – как бы именно к вопросу о гусях шумно выдохнул яркий дед и широко улыбнулся, продемонстрировав превосходные вставные зубы. – Гуге моргэн!

Тут я было подумала, что в банде амстердамских наймитов есть еще некто Морган, которого мне только что крайне нелестно охарактеризовали, но старец повторил, как он думал, по-русски:

– Доброе утро!

У него это прозвучало как «дхобхрхутхрррр».

С таким звуком мог бы высморкаться простуженный слон.

Я заподозрила, что голландский – не самый благозвучный язык на планете, но дипломатично оставила свое предположение при себе.

– Доброе утро!

Я выступила навстречу деду, целеустремленно хромающему ко мне с протянутой рукой, и энергично пожала мясистую ладонь:

– Я Мария Владимировна Сарахова, ваш, так сказать, рекламный ревизор.

– Том Шваркенштафф, – дедусь потыкал пальцем в пуговку зеленой рубашки.

Он здорово сократил свое непроносимое имя – я оценила этот благородный жест и тоже решила быть проще:

– Маруся.

– Мхахрхусь! – прохрипел дедусь.

– Тогда Маша.

– Мхашш!

– Отлично, пусть будет Маш.

«Уралмаш», – съехидничал мой внутренний голос.

Но я не обиделась – мне-то что? Пусть на это Сарахова обижается. Я вообще-то Индия.

Могучий старец улыбнулся, крепко взял меня за руку и удивительно быстро – так, что на крутых поворотах в коридорах офисной избу я чуть не стучалась о бревенчатые стены, – переместил из приемной с безголовым медведем в укромную келью с огромной кипой бумаг на столе.

– Это все мне?! – Я мысленно послала проклятье Сараховой.

Увы, отступать было поздно. Я поблагодарила деда Тома печальной улыбкой и засучила рукава.

Мы, Кузнецовы, не привыкли пасовать перед трудностями! Груда бумаг на столе напоминала баррикаду, но это только укрепило мой боевой дух.

Тэк-с. С чего начнем?

«Тут слишком много всего, – решил мой внутренний голос. – Надо разделить большую кучу на несколько маленьких, тогда сразу будет видно, что ты хорошо поработала».

Я кивнула: прекрасная мысль! А по какому принципу сортировать бумаги? Я внимательно осмотрела макулатурные завалы и решила для начала сформировать из них три кучи: одну – из пухлых папок, вторую – из переплетенных и посаженных на пружинки распечаток, а третью – из растрепанных бумаг на скрепочках.

На сортировку ушло почти два часа. Я вспотела, запылилась, расчихалась, зато какой эффектный вид приобрел мой стол!

Образовавшиеся стопки бумаг я выстроила по ранжиру, как солдат на плацу: от большей к меньшей. Идеально выровняла шеренгу и, уже откровенно эстетствуя, снесла и снова возвела небоскреб из папок, сложив их радужной башней с плавным переходом из одного цвета в другой.

Я, правда, ни одну из этих папок не открыла, но этим вполне можно было заняться в следующий раз. На мой взгляд, я уже неплохо поработала для первого дня.

Промокнув лоб рукавом, я отошла к двери, прищурилась и с порога любовалась идеальным радужным градиентом башни номер три, когда в моем кармане ожил мобильник.

– Привет, Кузнецова, быстро дай мне рифму к слову «фазан»! – потребовала Алка.

– Розан, – предложила я.

– Ха! Много вас тут таких с розаном! – пренебрежительно фыркнула подружка. – Дай что-то пооригинальнее!

– Рамзан.

– Э? Нет, давай без политики.

– Тогда пейзаж.

– Чего?

– Вот именно что «кого, чего?». Слово «пейзане», они же французские крестьяне, в родительном падеже – пейзаж!

– А фазан при чем?

– Трошкина, ты нахалка! – возмутилась я. – Тебе и рифму дай, и логику? Ладно, вот тебе от щедрот моих целый стишок:

Сквозь пургу бежал фазан,
Заметал следы пейзаж!

– Фазаны вроде не бегают, а летают?

– Но не в пургу же! В пургу для них погода не летная!

– Ну, предположим. А зачем он заметал следы пейзаж? По идее, они на фазанов охотятся, значит, пейзаж и фазане, тьфу, фазаны и пейзажи, тьфу, в общем, первые и вторые друг другу враждебны. А он заметал их следы, помогая им затеряться в пурге. Зачем?

– Трошкина!

Алка была нервически многословна, и я заподозрила неладное:

– Трошкина, тебя правда интересуют подробности интимной жизни фазанов?! Или ты мне голову морочишь? Говори честно, зачем звонишь? У меня своих забот полон рот, а ты тут – фазан, пейзаж!

– Если честно, я надеялась у тебя узнать, где Зяма, – упавшим голосом призналась Алка. – Дома его нет, на звонки он не отвечает. Прямо-таки затерялся в пурге!

– Может, он в кино пошел.

Я предложила невинное объяснение, а сама с тревогой вспомнила чужой двор и припаркованные бок о бок машинки. Трошкиной об этом лучше не говорить, но как бы Зяма не припарковался снова в постели владелицы красного «Пежо»!

– В какое кино, на утренний сеанс? И смотрит подряд сто серий «Ну, погоди!»? – съязвила Алка. – Э, нет. Если Зяма не берет трубку – это не к добру.

– Ладно, давай я позвоню ему, – предложила я.

– Позвони! – Алка обрадовалась и моментально отключилась, освобождая линию.

Я честно набрала Зямин номер, но телефонная девушка сообщила мне, что абонент недоступен или находится вне зоны действия сети. Тогда я позвонила домой.

Трубку сняла бабуля.

– Ало-о-о-о-о! – проревела она мне в ухо, как пароходная сирена.

– Бабуля, привет! – проорала я и с беспокойством услышала, как задребезжало стекло в резном окошке.

М-да, похоже, домик не рассчитан на звуковые удары высокой мощности, что, в общем-то, странно, ведь был же в русских сказках Соловей-разбойник с его акустическим оружием.

– Ба, я перезвоню позже! – придержав затрясшуюся бумажную башню, прокричала я и спешно выключила телефон.

Для разговора с бабулей имело смысл выйти в чистое поле, чтобы не рушить непрочные постройки и не травмировать барабанные перепонки мирных граждан.

Я решила, что повторю звонок попозже, а потом просто забыла об этом.

– Бася, ты должна это выучить! – громко объявила бабушка Кузнецова, взмахнув газетой. – Вы все должны это выучить, это крайне важно!

Знаменитая писательница Бася Кузнецова со вздохом отставила подальше кофейную чашку и приложила палец к губам, а потом постучала им по столу.

В доме Кузнецовых было непривычно тихо, и сольные вопли бабушки без бэк-вокала прочих членов семьи особенно резали слух.

Совершенно правильно расшифровав жестикуляцию невестки как запрет на громкую публичную читку и призыв к читке тихой, бабуля шлепнула на стол газету.

Небольшая заметка в ней была обведена красным маркером.

– «Первая помощь при инсульте – кровопускание», – прочитала писательница и подняла глаза на свекровь. – Мама, разве вам грозит инсульт?

Бабуля Кузнецова была сухощавой старушкой с командирским голосом и генеральскими замашками, вследствие чего, по мнению невестки, ей самой инсульт грозил значительно меньше, чем окружающим.

Продолжая соблюдать режим молчания, бабуля развела руками и одновременно возвела очи горе. «А бог его знает!» – означало это в переводе с языка жестов.

Писательница с тихим вздохом пробежала глазами заметку и резюмировала:

– Все понятно, инсультнику надо срочно сделать кровопускание, уколов по одному разу каждый палец и дважды – каждое ухо. Мама, приготовьте на всякий случай иголку, а остальное я беру на себя.

И она снова потянулась за чашкой.

Тем временем двумя этажами ниже Алка Трошкина изнывала от ревности, но не считала правильным сообщать об этом любящим родственникам Зямы. Ну, кроме Инки, конечно. С Инкой они были как сестры и давно, еще в детские годы, постановили, что одна добрая подруга стоит десяти злых братьев. Хотя у Инки десяти братьев не было, слава богу.

Десяти таких братьев, как Инкин единственный, хватило бы, чтобы свести с ума всех женщин мира.

Алка совершенно извелась, пытаясь дозвониться до Зямы. Она должна была узнать, куда, зачем и почему он пропал – или не сможет уснуть.

Информацию предстояло добывать в самом логове противника.

– Здравствуйте, дядя Боря, а Зяма дома? – сладким голосом пропела Трошкина и трижды хлопнула ресничками, решив порепетировать перед зеркалом.

Зеркало честно отразило бледное узкое личико с предательски трясущимися губами. Алка критически обозрела себя и признала, что невинные круглые глазки у нее кое-как получились, но нижняя часть лица ее определенно выдает.

– С губами надо что-то делать, – пробормотала Трошкина.

Она сдернула с вешалки шарф, соорудила из него маску, сложила пальцы пистолетом и, тыкнув в зеркало, прогундосила сквозь душную шерсть:

– Всем стоять! Это ограбление! Зяма или жизнь!

Зеркало добросовестно отразило комическую пародию на преступного ковбоя.

Трошкина досадливо чертыхнулась, размотала шарф и снова повязала его, на сей раз – как платок, на деревенский манер.

В тугом охвате плотной ткани подбородок ее перестал нервно вздрагивать, но бледные губы по-прежнему норовили плаксиво расплзтись.

Что ж, по крайней мере, стало ясно, в чем главная проблема.

Сформулировав задачу, экс-отличница Трошкина быстро нашла решение.

Основательно смазанные медом, губы приобрели красивый блеск и неплохо зафиксировались.

Несколько минут спустя Алка позвонила в дверь квартиры Кузнецовых, сделала умильное личико и, дожидаясь, пока ей откроют, энергично похлопала ресницами.

– Ах, детка, что случилось? – встревоженно спросила знаменитая писательница Кузнецова, созерцая яростно моргающую Трошкину. – Что-то в глаз попало?

– Здрасьте, дядя Бо... ся, – промямлила Алка, запоздало подкорректировав домашнюю заготовку.

Это прозвучало странно.

– А с губами у тебя что? – пуще прежнего взволновалась наблюдательная писательница. – Алла, да у тебя рот перекошен! И речь затруднена!

Ее осенило:

– Мама, несите вашу иголку, у Аллы инсульт!

Получилось на редкость удачно: бабушка Кузнецова еще не убрала в аптечку стерильный одноразовый шприц, приготовленный на случай борьбы с инсультом в неопределенном будущем, а роковой час уже наступил.

– Бегу, бегу! Несу, несу! – радостно заблажила предусмотрительная старушка, энергично шаркая тапками по направлению к пациентке Трошкиной.

– А где Зяма? – с трудом договорила негнуцимися медовыми губами Алка.

– Он непременно навестит тебя в больнице, – пообещала писательница и цепко сцапала гостью за палец.

– О! Он в больнице?!

Вообразив, что хворь скосила Зяму, Трошкина страшно побледнела, но по инерции продолжала хлопать ресницами.

Таким образом, она демонстрировала все признаки инсульта, описанные в полезной статье: спутанное сознание, заикание, бледность, дергающиеся глаза и несимметричные губы.

– В «Скорую» звонить? – вооружив невестку спасительным шприцем, спросила бабуля.

– Да!

– Дзииинь! – пропел дверной звонок.

Трошкина, обморочно прислонившаяся к двери, упала в чьи-то крепкие объятия.

– Здра... Черт возьми! Что тут происходит? – спросил мужской голос.

– Гау? – С аналогичной интонацией взлаял пес.

– Дениска! – Лжеинсультница Трошкина с редким проворством извернулась и повисла на шее у майора Кулебякина. – Ты вернулся! Ты-то мне и нужен!

– Мама, не звоните пока в «Скорую», – сориентировалась писательница. – Аллочка, тебе уже лучше?

– А где Инка? – спросил майор.

– А где Зяма? – спросила Алка.

– А гау? – спросил бассет-хаунд Барклай.

В квартире Кузнецовых восстановилась бодрящая атмосфера семейного сумасшедшего дома.

Поскольку Трошкину прибытие майора Кулебякина и его внеслужебной собаки заметно взбодрило, писательница Кузнецова отказалась от первоначального намерения исколоть Аллочке пальцы и уши. Но бабуля все-таки заставила прочитать полезную статью и Трошкину, и Кулебякина.

Барклай, которому возможность ознакомиться с материалом предоставилась, когда Денис небрежно уронил газету на пол, шансом пополнить специальные навыки пренебрег.

Затем присутствующие обменялись слухами, сплетнями и художественным враньем, выдаваемым за достоверную информацию.

На вопрос майора о местонахождении Инки Трошкина при молчаливой поддержке старших родственниц подруги сообщила, что Кузнецова отправилась в кратковременную служебную командировку.

Эта версия категорически расходилась с той, что уже была сообщена непосредственному начальнику Кузнецовой, и Алка от души понадеялась, что Денис и Бронич не сверят ее свидетельские показания.

У честной Алочки возникли было угрызения совести, но они почти исчезли после того, как дозу дезы скормили ей самой.

– Зяма с Борей поехали на рыбалку, – выдала невероятное мать-писательница. – В какую-то дикую глушь, где нет ни связи, ни дорог, но много рыбы.

– Я люблю рыбу! – громко сообщила бабуля.

– А я люблю Зяму, – пробормотала Трошкина, – но никогда не поверю, что он отправился на рыбалку вот так внезапно, даже не пополнив свой гардероб хотя бы кожаной зюйдвесткой и сапогами-забрдами итальянского производства!

Мать-писательница задумалась.

В словах милой Аллочки был резон. В последний раз, когда папа Кузнецов попытался приобщить утонченного сына к брутальным мужским развлечениям в виде охоты на кабана, Зяма специально заказал знакомому шорнику эксклюзивный набор снаряжения и потом целый день крутился у зеркала, элегантно обматываясь патронташем и располагая ножны так, чтобы они красиво подчеркивали линию бедра.

Бася Кузнецова нахмурилась. В отличие от Трошкиной она свою половинку не ревновала – это была прерогатива ее супруга. Но уважаемая писательница ненавидела чего-то не знать и воспринимала секреты членов семьи как личный вызов.

Мать-писательница немедленно позвонила сыну, но напоролась на ту же дрессированную телефонную девушку. Тогда она набрала номер мужа, но и там услышала: «Вызываемый вами абонент недоступен или находится вне зоны действия сети».

– Какие-то проблемы с сетью, – сообщила она Трошкиной.

– Удочки надо было брать! – громко резюмировала престарелая любительница рыбы и пошла к себе.

– По поводу Инкиной командировки, – дождавшись паузы, начал майор Кулебякин.

Мать-писательница остановила его твердым взглядом:

– Давайте по порядку.

Она повернулась к Трошкиной и пообещала:

– Я разберусь, что там с Зяминой рыбалкой, будь спокойна!

– А я тогда разберусь, что там с Инкиной командировкой, – пообещала Трошкина Денису. – И ты будь спокоен.

– Гау? – спросил полицейский пес Барклай.

– Ты тоже будь спокоен, – сказала ему Алка.

Решение навестить подругу в парке развлечений возникло у нее внезапно, но показалось очень удачным.

Необходимо было как-то отвлечься, пока Бася будет разбираться с загадочной рыбалкой мужчин Кузнецовых.

– А вы помните про рояль? – грустно спросил итальянский директор отеля.

Я откровенно любовалась. Они оба были великолепны – и отель, и его директор.

Отель при парке построили в виде красивейшего средневекового замка с башнями, а управлять им пригласили неказистого сына Ломбардии по имени Луиджи. К чему такая роскошь в русском парке, я пока не поняла, но пребыванием в отеле-замке искренне наслаждалась. В моем номере мне понравилось абсолютно все, даже сундук вместо шкафа, и кровать с балдахинном – такая высокая, что захотелось позаимствовать у парковых аниматоров ходули.

– Вы помните, ми забили рояль? – грустно хлюпнув русской водкой, повторил итальянский директор.

Мое богатое воображение тут же нарисовало забитый насмерть рояль в кустах.

А почему нет? Не все же любят классическую музыку, некоторые ее не выносят. А я успела услышать: из подвала, где еще продолжались отделочные работы, доносилось акынское пение турецких рабочих. Да уж не они ли забили культурный инструмент – инструментом штукатурным?

– Какой рояль? – спросила я русскую начальницу службы персонала Алевтину.

– Обыкновенный, концертный, – ответила она без тени законной гордости. – Который должен стоять в Апартаментах Королевы на двенадцатом этаже.

– А что с ним случилось? – трагическая судьба рояля продолжала меня беспокоить.

– Да ничего не случилось, просто он в гостиничные лифты не помещается, ни в один.

– А! – я поняла суть проблемы. – А если его по лестнице поднять? Бурлаками?

– Поверьте, я би лично впрягся! – всплеснул руками Луиджи. – Но он не воротится!

– Куда он не воротится?

Воображение тупило и упорно рисовало мне рояль, мускульной силой турецких бурлаков влекомый в распоследний путь.

– Не развернется, – поправила директора Алевтина. – Лестница слишком узкая, рояль застревает между этажами. Мы уже пробовали.

– О!

Мне захотелось помочь коллегам:

– А если его наверх подъемным краном доставить? Или, скажем, на вертолете?

– Ми это думали, – Луиджи снова потянулся к бутылке. – Там даже есть терраса, где можно его унизить.

– Опустить, – поправила Алевтина прежде, чем я успела вообразить картину гнусных унижений благородного инструмента. – Терраса есть, но окна номера слишком узкие, в них не то что рояль – даже контрабас не пролезет!

– А если по частям? – я завелась.

– Рояль нельзя разбирать, он цельный! – возразил Луиджи.

– А тогда... А тогда можно запереть там рояльного мастера со всеми необходимыми материалами, и пусть он делает инструмент прямо в номере! – придумала я.

Шумы застолья, организованного новыми коллегами в мою честь, стихли.

– А это мысль! – Луиджи яростно почесал блестящую лысину.

– Ну, я не знаю, – неуверенно протянула начальница службы размещения Варвара. – Рояли долго делают, и сколько же этот мастер будет дорогуший королевский номер занимать? У нас на него уже очередь из олигархов!

– И все же, это мысль, – бурчал Луиджи, поглядывая на меня с большим одобрением.

Мне стало приятно, что я вот так, с ходу, разрешила проблему, над которой бился целый коллектив. Уже принесла пользу парку, не зря Сарахова в меня свято верила!

А новые коллеги, забыв, что я «засланный казачок», разоткровенничались, и я узнала, что неподъемным роялем проблемы нашего отеля не исчерпываются.

К примеру, в Башне Короля при вечернем ветре с моря самопроизвольно распаивается окно.

– Заменить его – вопрос одного дня, но и этого дня у нас нет, потому что очередь из желающих жить в королевской башне тянется отсюда до Австралии, и никак невозможно сдвинуть очередную оплаченную бронь, чтобы освободить хоть денек для ремонта, – сердито объяснил мне начальник службы эксплуатации, выразительно посмотрев на начальницу службы размещения.

– Поэтому мы придумали легенду, которая очень нравится нашим постояльцам, – сказала Варвара и, в свою очередь, выразительно посмотрела на старшего портье.

Тот встал, одернул форменную куртку, возвестил:

– Легенда о Беспокойном Короле! – И уверенной скороговоркой продекламировал: – Давным-давно в замке жил король, который никому не доверял и слишком много беспокоился. По ночам, переодевшись простолюдином, он вылезал в окно и бродил по городу, присматриваясь и прислушиваясь ко всему, что происходит. Ни к чему хорошему это не привело: переодетого монарха убили уличные бандиты. С тех пор всякий раз с наступлением вечера, едва задует

ветер с моря, мстительный призрак короля отправляется на поиски своих убийц, выбираясь из замка через окно. И горе тому, кто его заколотит!

Я улыбнулась и вежливо похлопала в ладоши. Декламатор коротко поклонился и сел.

– Проклятье не сразило бы штатного плотника, – проворчал начальник службы эксплуатации.

– Ах, оставьте! – отмахнулась Варвара. – Вам ведь никто не мешает окончательно разобраться с протечками, и что же? Мы уже второй месяц спасаемся от нареканий Легендой о Плаксивой Деве!

Минуя промежуточные инстанции, я посмотрела прямо на старшего портье.

Он вздохнул, поставил рюмку, встал и отбарабанил:

– Давным-давно в замке жила девушка, которая расстраивалась из-за пустяков. Однажды она так сильно расплакалась, что утонула в собственных слезах и теперь бродит по замку-отелю рыдающим призраком, оставляя мокрые лужи в коридорах и номерах.

– И горе тому, кто их вытрет? – предположила я.

Варвара одобрительно улыбнулась:

– А вы мне нравитесь, Маша! Оставайтесь у нас работать.

– Я подумаю, – пообещала я, потому как чувствовала себя вполне на месте.

В смысле не только за столом со щедрыми дарами гостиничного бара, но и вообще при исполнении обязанностей наиглавнейшего в парке пиарщика.

Я ведь уже успела неслабо потрудиться. К концу дня я не только навела порядок в своем макулатурном окопе, но также бегло ознакомилась с бумагами и успела сделать первое критическое замечание по существу: среди подборок и папок не было наиважнейшей – с сырыми болванками «на всякий случай»!

– И что же вы будете делать, если в парке приключится трагическое ЧП? – пытливо спросила я симпатичную русскоязычную помощницу герра Томаса Берга Шваркенштаффа, явившуюся узнать, как проходит мой первый рабочий день.

Помощницу деда Тома звали Анечкой. У нее были ясные голубые глаза, носик пуговкой и льняная коса до копчика. В паре с хромоногим голландским старцем она смотрелась, как русская Снегурочка с дальним родичем Санта-Клаусом, уже пережившим некий несчастный случай.

– Мы вызовем «Скорую» для пострадавшего и оттянем других гостей с места происшествия привлекательной активностью в другой точке парка, – отбарабанила заученный текст Снегурочка Анечка.

– А заявление для СМИ кто будет делать? Или, вы думаете, журналисты тоже отвлекутся на бесплатную раздачу слонов и подарков? – Я коварно усмехнулась. – Э, нет, матушка.

Я перевела взгляд на деда Тома, сурово занавесившего глаза косматыми седыми бровями, и поправилась:

– Э, нет, батенька! На всякий такой печальный случай у вас уже должны быть заготовлены шаблоны текстов, которые нужно лишь слегка отшлифовать под конкретную ситуацию.

Деда Том нетерпеливо дождался перевода и энергично закивал:

– О, йя, йя!

– Я напишу для вас пару образцов, – расщедрилась я и сразу же приступила к делу.

Не скрою, об организации парковых развлечений я до сих пор знала мало, потому как никогда еще не выступала как член команды принимающей стороны. Но в качестве гостя я в разных парках, конечно, бывала, и у меня даже имелся персональный печальный опыт карусельного катания.

Однажды в детстве мы с Трошкиной недопустимо разрезвились на аттракционе «Вихрь». Сидя позади Алки, я при старте удерживала ее кресло за цепочки, а потом толкала его ногами

так, что визжащая Трошкина улетала далеко вперед. Было нам тогда лет по десять, и мои ноги уже в том возрасте были длинными и сильными, как у молодого кенгуру.

Алка же больше походила на тощего мелкого суслика. Пластмассовое карусельное кресло было для нее великовато, и в просвет между ограничительным ремнем и отполированным чужими задами сиденьем наш мелкий суслик после очередного толчка моими кенгуриными ногами вылетел со свистом, превратившись в дикий вопль.

Слава богу, что у суслика Трошкиной всегда были цепкие передние лапки! Она успела ухватиться за ремень и болталась на нем, как белье на заборе, пока яростно матерящийся карусельщик не остановил свою адскую машину.

Но допотопная цепочная вертушка, разумеется, не шла ни в какое сравнение с новомодными экстремальными аттракционами Русляндии. Мне нужна была информация о том, какие именно несчастья могут приключиться на этих сумасшедших горках.

Расспрашивать коллег я сочла ниже своего достоинства – они решили бы, что я некомпетентна, и я полезла за информацией в Интернет.

Простой запрос «Несчастные случаи в парке аттракционов» выудил во Всемирной сети сотню ссылок, и первая же из них оказалась достаточно информативна.

«10 типичных несчастных случаев в парках развлечений! Это интересно!» – зазывно написал какой-то кровожадный аноним.

Первым номером в своем пугающем списке он поставил трагедию в парке Кинг Айленда. Там один невезучий парень упал в пруд, а двое других бросились его спасать, и в результате все трое пострадали от удара электрическим током. Причем погибли в результате добровольцы-спасатели, а не тот, кому они пытались помочь!

Откуда в пруду взялся электрический ток, в статейке сказано не было. Я предположила, что вкуче с трио пострадавших в воду рухнул какой-то мощный прибор – например, фонарь. Парки развлечений обычно богато иллюминированы. Может, те двое, которые ринулись спасать первого тонущего, впопыхах оборвали гирлянду лампочек?

На вторую позицию автор списка поставил трагедию в тематическом парке Оаквуд в Пембрукшире, что в Уэльсе. Там юная девушка во время катания на американских горках вылетела из вагончика и разбилась, упав на землю с тридцатиметровой высоты. Причиной трагедии стал дефект крепления ремня безопасности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.